

ТУМАН МИРА

АРУТЮНОВ АЛЕКСЕЙ

Алексей Арутюнов

Туман мира

«Издательские решения»

Арутюнов А. С.

Туман мира / А. С. Арутюнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855963-1

Главному герою потребуется масса усилий для восстановления памяти после автомобильной катастрофы. Но как только спутанные обрывки воспоминаний, наконец, сложатся в общую картину, в его жизнь вернется и тайна, на разгадку которой остается все меньше времени. Книга является продолжением событий произведения «Вне Сна», однако не требует обязательного предварительного ознакомления с предыдущей частью.

ISBN 978-5-44-855963-1

© Арутюнов А. С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Пробуждение	6
Работа с памятью	9
Новые воспоминания	12
Обратная сторона листа	16
Собранная мозаика	20
Продолжение «сна»	25
Часть вторая. Новый знакомый	29
Новый знакомый. Альтернативная версия	29
Периоды замедления	32
Энергия	36
Вторая беседа с Леви	40
Важный вопрос	44
Страх смерти	49
Интерес	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Туман мира

Алексей Сергеевич Арутюнов

Редактор Сергей Игоревич Арутюнов

Дизайнер обложки Анастасия Васильевна Арутюнова

© Алексей Сергеевич Арутюнов, 2017

© Анастасия Васильевна Арутюнова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-5963-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Пробуждение

В комнате, которая своей обстановкой ничем не напоминала больничную палату, находились трое. Двое из них, невысокий мужчина, на вид около сорока с небольшим лет, со спокойным, но несколько напряженным лицом, и второй, чуть моложе, зашли не более пяти минут назад и сейчас сидели в креслах друг напротив друга, изредка обмениваясь короткими репликами.

Третий, мужчина лет тридцати, лежал на рядом стоящем диване. Он был без сознания, и, судя по смертельной бледности, граничащей с прозрачностью, был болен.

В какой-то момент Альберт – именно так звали третьего мужчину – начал, наконец, подавать слабые признаки жизни. Первые двое, находившиеся в комнате именно в ожидании этого пробуждения, оживились, второй встал с кресла и громко произнес что-то, чего Альберт не разобрал, еще не придя в себя до конца. Пробуждение было тяжелым и мутным, словно после длительного наркоза.

– *Расскажи мне, кто был этот джентльмен, проникнувший в твою машину столь неординарным способом?* – продолжил второй через несколько секунд.

– *Джентльмен... В машину?* – на Альберта болезненно нахлынули отрывистые воспоминания, – *Была авария...*

Лежащему на диване мужчине вмиг стало еще хуже, захотелось так и лежать здесь, не приходя в сознание и не вспоминая, что именно произошло. Чувствовал он себя так, будто в нем оставалась лишь малая капля жизни, хотя какой-либо раздирающей боли пока не было.

И еще он вспомнил, что в машине был не один.

Меньше всего на свете Альберту сейчас хотелось услышать, что того человека, который ехал с ним в одном автомобиле, больше нет.

Полежав молча еще несколько секунд в ожидании возможного появления болезненных ощущений, Альберт все же открыл глаза и, не шевелясь, взглянул перед собой.

– *Где я? Кто вы?* – тихо проговорил он.

Второй мужчина, явно не ожидавший такого вопроса, с удивлением поднял брови. Первый отреагировал чуть погодя, но без единой эмоции:

– *Меня зовут Вильям Гарсиа. Я – ваш врач. Это Элиас,* – он указал на второго, – *мой ассистент.*

Альберт закрыл глаза и через некоторое время неохотно открыл вновь.

– *Я что, в больнице? Это же не больница,* – прошептал он, не особо пытаясь разглядеть комнату и ее обстановку.

– *Вы в частной клинике. Ее убранство, действительно, не напоминает больничные покои, но, тем не менее, вы под хорошим присмотром, будьте уверены.*

Серьезной боли по-прежнему не было. Альберт попытался пошевелить конечностями. По ощущениям, он смог разобрать минимальный отклик от всех частей тела, хотя любая попытка пошевелиться почти полностью затухала где-то на половине пути к задействованным в движении мышцам.

– *Не советую,* – тихо, но категорично произнес Вильям, разгадав попытку пациента при-
встать с дивана, – *Пока не стоит питать излишних иллюзий по поводу своего состояния. Вы сильно истощены, и слабость может продлиться еще не один день.*

Альберт без долгих уговоров оставил попытки подняться. Элиас снова сел в кресло. Минуту в комнате сохранялась тишина.

– *Что с ним? С тем человеком, который ехал со мной?* – через силу выдавил из себя Альберт, понимая, что услышать ответ рано или поздно все же придется.

– *По невероятному стечению обстоятельств, с ним все в порядке,* – ответил ассистент.

В одно мгновение гора упала с плеч Альберта. Место которой, впрочем, сразу же стали занимать другие опасения. На скорую руку он попытался восстановить в голове хронологию последних событий и потерпел полное фиаско: события были разорваны между собой во времени, перепутаны, многие не имели деталей и происходили как будто даже не с ним.

В комнате вновь воцарилась тишина. Доктора не спешили тревожить пациента ни вопросами медицинского толка, ни расспросами насчет причин попадания сюда. В любом другом случае такое их поведение вполне могло бы даже вызвать разного рода подозрения, но в своем нынешнем состоянии Альберт удовлетворился тем, что жив сам, никого не убил, и для восстановления ему, видимо, лишь требуется время. Он еще с минуту попытался поковыряться в памяти, после чего, вконец обессилив, незаметно для самого себя вновь провалился в бессознательное состояние.

Когда Альберт вновь стал приходить в себя, в комнате он был один. Чувствовал он себя не лучше, чем в прошлый раз, но мысли будто стали слегка яснее. Каждое малейшее движение по-прежнему давалось ему с таким трудом и отнимало столько сил, что о попытках подняться не было и речи.

Пациент без интереса оглядел ту часть комнаты, которую мог видеть, не прибегая к движениям головы. Картина перед глазами показалась почти знакомой, хотя Альберт был уверен, что ранее в этой комнате ему точно бывать не приходилось. Странное наблюдение заставило пациента вернуться к неприятной теме воспоминаний.

Не утруждая себя долгим выбором тематики, он снова мысленно оказался в автомобиле за несколько мгновений до аварии. С содроганием прочувствовал момент, когда машина полностью утратила управление. Длилось все лишь секунду и запомнилось почти физическим ощущением абсолютного отсутствия контроля над происходящим. Ощущение оставило след глубже уровня памяти.

До момента полной потери управления Альберт, по идее, должен был бы пытаться удерживать машину на дороге, бороться с заносом, уходить от столкновения – что бы там ни происходило, – но эти, казалось, важные мгновения совершенно не отложились в памяти. Будто он спокойно ехал по дороге, а в следующую секунду машина уже вертелась в воздухе, как подброшенный волчок. И... как они так приземлились, если он не переломан, ни в гипсе, живой?

Через несколько минут после пробуждения пациента в комнату снова зашел врач.

– *Как дела сейчас?* – спросил он.

Альберт не нашел, что ответить. В голове по-прежнему была каша.

– *Доктор. Прошу прощения, я забыл, как вас зовут.*

– *Вильям.*

– *Вильям? Вильям, лучше вы мне расскажите, как у меня дела.*

Доктор чуть помедлил с ответом, видимо, подбирая нужные слова.

– *На мой взгляд, дела ваши обстоят приемлемо: вы почти не травмировались. Опасность одна: вы сильно ударились головой. Несколько дней почти не приходили в сознание, но сейчас я вижу, что ситуация нормализуется. Можете вспомнить, что с вами происходило? Как и почему вы попали сюда?*

– *Была автомобильная авария. Я был за рулем. Мы, кажется, перевернулись, не помню, почему. Может, перевернулись несколько раз. И, если честно, я вообще не очень хорошо все помню. Детали аварии и... то, что ей предшествовало.*

В этот момент в комнату вошел ассистент, поздоровался, сел рядом.

– *Не знаете, что с машиной? Мы еще кого-то задела?* – продолжил Альберт.

– Нет, – включился в разговор Элиас, – дорога именно в те секунды была почти пуста. Что с машиной, не знаю. Думаю, с ней все хуже, чем с вами.

На секунду пациент задумался, после чего продолжил:

– Ко мне кто-нибудь приходил? Откуда я здесь? Не скорая же меня сюда привезла.

– К вам несколько раз приходили ваши друзья. Насколько я понимаю, это они посодействовали, чтобы вас перевели к нам на лечение. С главврачом общался один из них по фамилии Портнов. К вам их, разумеется, пока не пускают...

Альберту стало спокойнее, когда он услышал фамилию старого товарища.

– Я чувствую себя крайне слабо. Почти не могу двигаться. Как будто нахожусь в каком-то желе. Я даже самого себя чувствую как-то странно, не как привык.

– Все это неприятные, но прогнозируемые последствия травмы. Полное восстановление займет время. Кроме того, нам, похоже, нужно вместе поработать с вашей памятью.

Работа с памятью

Спустя некоторое время врач снова зашел к Альберту. Мельком пробежав что-то в записях в принесенной с собой тетради, он сразу перешел к вопросам.

– Вы помните, откуда и куда ехали?

– Мы, кажется, ехали к моему дому. Откуда, не помню.

– Вы были в машине не один, так?

– Да.

– Всю дорогу?

– Да, кажется, всю... Ну, не на ходу же он запрыгнул.

– Но откуда вы ехали, не помните?

– ...Нет. – Попытки заглянуть в недоступные части памяти давались Альберту с ошутимым трудом.

– То есть не помните первую часть пути?

– Я не помню только, откуда мы ехали. Хотя, как мой спутник оказался на заднем сидении, тоже не помню.

Альберт постарался поднять все свои воспоминания и, с трудом проследив обратный путь от места аварии максимально близко к точке отправления, добавил: – Мы, кажется, ехали откуда-то с набережной. А вот как мы там оказались – совершенно не помню.

– Тот человек, с которым вы ехали – кто он?

– Мы познакомились незадолго до аварии. За несколько дней. Он представился как Семен. Семен... – задумчиво повторил Альберт и через секунду продолжил, — Говорил странные вещи. С чего вдруг мы вместе куда-то ехали, ума не приложу... Стоп. На какой вообще машине мы ехали? Моя, кажется, была разбита. Еще до того. Я точно помню, я вцепился на ней в столб месяц назад... Кстати, сколько я здесь?

– Здесь неделю. Еще неделю после аварии вы были в другой больнице, куда вас привезли изначально. Авария была не так давно.

– Две недели... Паришво. Я пытался вспомнить все подробно. Есть пробелы. Похоже, действительно, что-то с памятью. Плохая симптоматика, да?

– Предсказуемая. Восстановление памяти – это моя работа, одно из основных направлений, на которых я специализируюсь. Вашу голову тщательно проверили, необратимых повреждений нет, поэтому готов предположить, что воспоминания скоро вновь окажутся в вашем распоряжении. Но не сами по себе. От вас потребуются усилия.

Пока вы здесь, мы будем беседовать раз или два в день – в зависимости от вашего состояния. И все встанет на свои места.

Вернемся к предшествующим аварии событиям.

– Доктор, мне всерьез кажется, что я ехал на своей машине! Вы не знаете, что за автомобиль там был?

– Боюсь, что нет. Однако сразу должен предостеречь вас от того, чтобы намеренно упираться в пока недоступные вам элементы памяти: это может усугубить ситуацию. Под недоступными элементами мы будем понимать либо те события, которых вы не помните совсем, даже если по логике вытекающих событий они должны были иметь место, либо те события или их детали, которые явно противоречат другим вашим воспоминаниям. Насколько могу судить, что-то подобное происходит с воспоминанием про ваш автомобиль. Пока оставьте его в покое.

Логика наших бесед будет простая: доходим до того момента, которого вы не помните, либо который вызывает явные сомнения, и перемещаем фокус внимания на другие события

этого же периода. Постепенно перелистывая доступные страницы, обнаружите среди них и утраченные листы. Хорошо?

– *Хорошо*, – по инерции кивнул Альберт, которому раньше не доводилось сталкиваться с пробелами в собственной памяти.

– *Ваш рассказ должен быть подробен и, по возможности, последователен, впрочем, если в процессе рассказа вы почувствуете, что всплывают важные воспоминания из смежной темы, можете перейти на них. Степень подробности вашего рассказа определяете вы. Но обращение к деталям всегда способствует восстановлению нарушенных путей, по которым идет информация. Соответственно, чем обстоятельней ваш рассказ, тем ближе мы к цели. В то же время детали вашего рассказа интересуют нас только с точки зрения активизации структур мозга, ответственных за память. Поэтому, если какие-то конкретные моменты вам озвучивать по личным причинам не хочется и одновременно вы уверены, что хорошо помните их, можете их не озвучивать. Если же есть сомнения, лучше затронуть и их. Вся информация, которая будет сказана вами, в любом случае останется в этих стенах.*

Повторюсь: как только вы упираетесь в недоступный участок памяти, переходите на другую, близкую, тему. Попытки в вашей ситуации взять память штурмом ни к чему хорошему не приведут, могут возникнуть лишь дополнительные блоки.

– *Раньше, если мне нужно было вспомнить что-то, я наоборот пытался сконцентрироваться на недоступном воспоминании...*

– *Это действенный способ, когда механизмы памяти работают в своем стандартном режиме. К вам это сейчас не относится. Кроме того, именно я, как ваш врач, несу ответственность за финальный результат нашей работы. Поэтому у меня просьба строго выполнять мои рекомендации, без этого мы потратим больше времени.*

– *Настырный...* – отметил про себя Альберт, – *наверное, знает, что делает.*

– *Итак*, – продолжил доктор, – *что происходило до аварии, пока вспомнить не получается. Вернемся в чуть более ранний период. Несколько дней, недель.*

– *Машины я разбил, это я сейчас хорошо помню. Последнее время происходило что-то странное... То есть, сами по себе события были, в общем-то, рядовыми, но вот подобрались они все как специально к одному и тому же времени.*

Альберт замолчал, чувствуя, как с воспоминаниями возвращается груз реальности.

«...если бы вы знали, сколько мне всего разгрести, когда я выйду отсюда», – мысленно обратился он к доктору. Но, рассудив, что врача едва ли интересуют бессмысленные жалобы, собрался с мыслями и начал выстраивать свой рассказ:

– *Еще месяца два-три назад у меня все было относительно нормально. Потом стало меняться. Достаточно внезапно. Не в один день, конечно, но... Мне пришлось уйти с работы. Так как в планы нового руководства компании мое участие в бизнес-процессах, видимо, не входило. Несмотря на то, что я заранее предполагал, чем дело кончится, нового места работы еще не нашел. Сначала медлил, а потом уже было не до этого. Оно и к лучшему, сейчас бы искали меня с фонарями.*

Близкая подруга от меня ушла. Сам не до конца понимаю, что подвигло ее на такой шаг. Видимо, устали друг от друга... Еще эта кража. Квартиру обворовали, буквально за пару недель до аварии. Вместе с остальными вещами украли ее ноутбук. Что очень сильно ее обидело. Не спрашивайте, каким образом я был выбран в качестве объекта обиды – это необъяснимый для меня момент.

В дополнение ко всему мой автомобиль был разбит. Не в той аварии, после которой я оказался здесь, а еще до того... Помню, я потом отдавал его в ремонт, – Альберт почувствовал, что приближается к чему-то важному, но воспоминаний о том, как он забирал машину уже отремонтированной, как будто не было. Вспомнив высказывание доктора про попытки взять память штурмом, он почти отпустил эту нестыковку, как вдруг его осенило: он может

не помнить не только какие-то часы, предшествующие аварии, но, возможно, гораздо больший период! Дни. Или недели. И тогда количество дней, проведенных им в больнице, – не единственная неизвестная величина в расчетах текущей даты. Как раз с этого и стоило начинать!

– *Доктор, а что за дата сегодня?* – произнес Альберт в ожидании новых откровений.

– *Какую дату вы можете предположить?* – в ответ спросил врач и, заметив вопрос на лице собеседника, добавил: – *Ваше ощущение времени мне нужно для диагностических целей. Дату я обязательно сообщу, но если назову ее раньше вас, это может повлиять на ваш ответ.*

Альберт задумался. События, про которые он рассказывал и которые воспринимались им как последние, теряли свой след в самом конце сентября. Две недели в больницах. В середине сентября его авто было крепко разбито, ремонт при самых оптимистичных расчетах занял бы не менее двух месяцев. И когда Альберт снова попал в аварию две недели назад, он уже был на отремонтированной машине. Если, конечно, это была именно его машина, в чем сам Альберт начинал сомневаться.

Даже простые расчеты, а до того и сами воспоминания, вызывали ощутимую потерю сил. Пациент сдался, остановившись на временном периоде, который больше походил на правду просто по ощущениям.

– *Сейчас, должно быть, середина или конец октября? Число, может, двадцатое?* – предположил он.

– *Так и есть. Восемнадцатое. Почти точное попадание.*

Альберт закрыл глаза. «Почти точное попадание» означало, что либо он далек от понимания происходящего так же, как и раньше, либо его обманывают. Что из этого хуже, было непонятно и неинтересно.

Новые воспоминания

– ...*Может, конечно, показаться, что все, о чем я рассказал, это ерунда: никто не умер, не болен, – продолжал Альберт, когда после продолжительного отдыха беседа с врачом была возобновлена, – но это когда смотришь со стороны, или все это происходит порционно. Но когда все сваливается разом...*

Версию об обмане с датами со стороны врача Альберт отверг сразу при пробуждении, так как персоной, за которой хоть кто-то всерьез мог бы охотиться с неблагоприятными намерениями, однозначно не являлся, а шизофренией не страдал.

– *Я помню, что думал об этом, думал о причинах. Не знаю, насколько это важно, и описать это сложно. Мне казалось, что я не сделал чего-то в своей жизни, из-за чего теперь моя жизнь как бы... сама очищается от всякой ненужной ерунды. Наподобие работы, украденных из квартиры вещей, машины.*

Выражения приходилось выбирать очень тщательно: Альберт прекрасно понимал, что точно передать весь ход своих мыслей в паре бесед не сможет, да и не хочет. Вместе с тем, показаться сумасшедшим также не хотелось. Отсутствия памяти в списке недугов было вполне достаточно.

– ...*Но дальше вообще все пошло по странному сценарию. Только я стал отходить от произошедших со мной неприятностей, появился тот человек, с которым я ехал в машине в момент аварии. Мы встретились в кофейне, где он бесцеремонным образом подсел ко мне. И завел разговор как раз о том, что меня тогда больше всего беспокоило: о моих сомнениях в части некой невыполненной мной работы. Сказал, что я должен что-то этому миру. Мы проговорили... около получаса, а может, целый час...*

С каждым последующим вынутым из памяти фрагментом вспоминать Альберту становилось сложнее. С каждой следующей фразой паузы становились чуть длиннее. Где-то на этих событиях прямая событийная линия начинала путаться и прерываться. Ощущалось сопротивление памяти, но вместе с тем память будто силилась выдать рассказчику что-то еще, что как будто и вовсе не относилось к вещам, про которые он только что рассказывал. Альберт понял, что в его памяти начинают всплывать события и образы, привидевшиеся ему, вероятно, в то время, когда он был без сознания после аварии.

– *Я, помню, вышел из какой-то двери, – продолжил Альберт, резко сменив тему повествования с единственной целью: не утратить тонкий след едва уловимого, но одновременно очень четкого в своих деталях воспоминания, – И пошел по улице, мощеной камнем. Я шел недолго. Дошел до узкого перекрестка, где увидел других людей. Этих людей я не помню, но среди них не было того, кто подсел ко мне в кафе, Семена. И точно не было вообще знакомых мне людей. Я почему-то был нем и все же решил заговорить с ними. Однако, как только я открыл рот, меня мгновенно сразил сильный страх. Страх сбил меня с ног, и я упал на камни мостовой. Люди не могли помочь мне, потому что не видели меня. Очень быстро страх перерос в ужас: они не видели меня из-за того, что меня там не было. Потом я как-то поднялся и пошел обратно, но так, словно шел по болоту: с каждым шагом невероятными усилиями выдирая свои ноги из дорожного полотна. И там же я, оказавшись не в силах сопротивляться пожирающему меня пространству, умер. Не пройдя и квартала.*

Альберт говорил, не прерываясь, а когда договорил до конца, застыл, удивленно глядя на врача. Воспоминание не было мимолетным: после того, как оно было озвучено, оно осталось в памяти во всей своей красе и с не к месту удивительной четкостью.

– *Видимо, наркоз...* – виновато резюмировал Альберт, желая продемонстрировать доктору способность отделять реальность от фантазии.

Альберт задумался над тем, что сейчас, возможно, самое время созвониться с людьми, с которыми постоянно общался, чтобы узнать у них о происходивших незадолго до аварии событиях, вместо того чтобы по крупицам собирать эту информацию в своей голове. Но и здесь были свои минусы. Во-первых, последнее время Альберт тесно не общался почти ни с кем, что было связано с подавленным состоянием из-за навалившихся неприятностей. И в связи с этим присутствовали большие сомнения, что кто-то, помимо него самого, сможет поведать о предстоящих аварии обстоятельствах. Во-вторых, Альберт с трудом представлял себе звонки разным своим знакомым с просьбой рассказать ему о том, что же именно он делал пару недель назад. Такие разговоры требуют длительных пояснений, а полезный результат у них с учетом первого пункта будет крайне низким. Альберт понимал, что вместо поиска нужной информации это мероприятие обернется информированием всех знакомых о том, что с памятью у него серьезные проблемы. Тогда как еще в начале разговора Альберт даже хотел попросить врача, чтобы по возможности к нему не пускали посетителей до тех пор, пока он вновь не обретет полную уверенность в собственной памяти. Озвучить свою просьбу он постеснялся, но и требовать телефон пока не спешил.

И, наконец, в-третьих, доктор озвучил текущую дату, в соответствии с которой в памяти Альберта отсутствовал совсем незначительный временной отрезок. Альберт был уверен, что способен вспомнить события этого отрезка достаточно быстро без того, чтобы наводить панику среди знакомых.

Доктор не торопил рассказчика, спокойно ожидая продолжения и не давая никакой обратной связи. Последний эпизод никоим образом его не смутил. Альберт же, будучи, напротив, несколько сбит с толку неожиданным воспоминанием, вернулся к предыдущей теме...

– Итак, Семен. Я пил кофе в знакомой кофейне, где бывал периодически. В какой-то момент он просто подсел ко мне и завел разговор. Меня, в общем-то, удивило такое поведение, но выглядел он вполне прилично, общался дружелюбно... Он спросил меня, чего я жду, находясь в этом мире. В том смысле, что я, видимо, должен сделать что-то, но тяну с этим. ... Интересный был диалог. Куда же мы могли ехать с ним?..

Так вот. Он рассказал, что этот мир построен вокруг меня. С единственной целью – принять мои действия, направленные на его качественное изменение. Все: люди, предметы – все, что здесь есть, – является фоном вокруг меня. И всем вокруг об этом известно, все живут, понимая свою роль. Кроме меня, разумеется.

То, что я сейчас пересказываю, разумеется, несет в себе интересный философский подтекст, – решил пояснить Альберт, пытаясь максимально точно донести смысл точки зрения Семена, – но тот человек настаивал именно на практической стороне этой теории. То есть он имел в виду ровно то, что говорил, без всяких переносных смыслов. Он сказал, что до моего рождения этого Мира не существовало, как не будет его и после моей смерти. И люди знают о моей особой роли. Ждут от меня ее выполнения, но я затягиваю с этим. Он наблюдал за мной, а потом решил спросить меня прямо: что я собираюсь дать этому миру.

Кстати, где вообще сейчас этот человек, не знаете? Ваш коллега сказал, с ним все в порядке.

– Это рассказал ваш друг, который навещал вас. К сожалению, больше я ничего не знаю. Полагаю, раз вы куда-то ехали вместе, скоро вы сможете доделать начатое.

– Ясно... Другой человек на моем месте покрутил бы ему пальцем у виска в ответ на такие вопросы. Но что-то было в его рассказе или поведении. Или даже во мне самом. Ведь он говорил примерно то, что я слышал ранее в себе. Мне, разумеется, не близка идея, что я здесь центр вселенной: с самооценкой у меня все в норме. Но интуитивно я давно чувствовал, что мне нужно сделать что-то важное. Что-то, помимо заработка денег и последующей их траты.

И еще этот человек сказал мне, что мой мир рушится из-за моего бездействия. Он откуда-то знал о том, что со мной происходит – ведь события, про которые я рассказывал, посыпались на меня как из рога изобилия почти одновременно, и после произошла эта встреча.

Все эти подробности, наверное, излишни для наших целей, но вы сами сказали, что степень подробности определяю я. И кроме того, я действительно начинаю вспоминать, что было потом!

Альберт почувствовал небольшой прилив сил от того, что память начала постепенно возвращать ему утраченные воспоминания. Сейчас это было весьма кстати, так как длительные разговоры по-прежнему вызывали у Альберта сильную усталость.

– Итак, это может показаться вам глупым, но я не «послал» этого человека. Наоборот, прислушался к тому, что он говорит, несмотря на неоднозначную и даже настойчивую форму подачи информации с его стороны. Я попросил время, чтобы обдумать его вопрос. И мы договорились встретиться снова. А потом я помню, что искал этого человека в социальных сетях, но не смог найти ничего о нем. Мне показалось, что человек с такой харизмой должен быть актером или оратором. Или в какой-то момент я решил, что это психолог, которого наняли мои друзья, чтобы помочь мне раскидать бардак в голове. Хотя сейчас понимаю, что на форму психотерапии все это не очень походило...

Должен признаться, этот разговор произвел на меня сильное впечатление. Я потом даже пытался проверить, не наблюдают ли за мной другие люди, ожидая изменений мира, как и рассказывал Семен. Видимо, когда мы ехали с ним, это и была наша следующая встреча. Может, я куда-то заехал за ним или встретил его случайно. Но здесь я пока вынужден фантазировать.

Вильям, что вы думаете по этому поводу? – спросил Альберт, будучи уже чрезмерно уставшим и все же испытывая некоторое удовлетворение от того, что воспоминания возвращаются.

– Если вы спрашиваете меня про суть вашего разговора с тем человеком, профессиональная этика не рекомендует мне комментировать ваши размышления. Что же касается нашего взаимодействия, вы делаете все правильно. Приятно работать с людьми, которые сами стремятся помочь себе. Сейчас вы уже утомлены, в следующий раз посмотрим, какие будут подвижки, и попробуем дать первый прогноз вашему восстановлению.

Альберту не пришлось объяснять врачу свою усталость, и тот в нужный момент покинул комнату, оставив пациента с непростыми мыслями о том, сколько могут стоить услуги столь деликатного доктора и сколько денег, соответственно, придется возвращать Портнову.

Альберту по-прежнему было невероятно сложно двигаться. Каждое его движение отнимало массу сил и даже при этом оставалось неточным и смазанным. И хотя Альберт не мог сказать, что тело или какие-то определенные его части не слушались команд, он опасался возможной дисфункции мозга – его части, отвечающей за движения, – именно так он смог сформулировать для себя свои догадки. Его также беспокоило, что как раз в этом направлении врач вроде бы ничего не делает и не дает никаких рекомендаций.

Находясь в одиночестве и устав перебирать доступные воспоминания, Альберт без излишнего усердия занялся разработкой мышц, разумно предполагая, что скоро они ему все же понадобятся. Еще не имея возможности даже приподниматься на кровати, он повертел головой по сторонам, с трудом подвигал руками, и... память снова вернула ему эпизод из событий, никогда не происходивших с ним в действительности. Эпизод был совсем коротким, но как только Альберт зацепил его своим вниманием, тот разросся до масштабов едва ли не полноценного воспоминания, включающего в себя, возможно, несколько дней или недель. И что было еще хуже, этот эпизод наглядно продемонстрировал Альберту куда более серьезные трудности с его памятью, нежели предполагались изначально. Работа по восстановлению утраченных

частей памяти не пугала, но вот к обнаружению в себе «чужих» воспоминаний Альберт готов абсолютно не был.

Обратная сторона листа

– ...Доктор, не знаю, как объяснить это... вы помните, в прошлый раз я рассказал вам какую-то ерунду про людей, с которыми пытался заговорить, но безуспешно, и про дорогу, по которой я потом пытался вернуться? Туда, откуда пришел. Воспоминание, которое появилось само по себе из-за наркоза?

– Конечно. Хорошо помню.

– Это еще не все... Я снова вспомнил кое-что. Из-за физической неспособности двигаться я... со мной такое уже было. Такое ощущение, что это были какие-то воспоминания из младенчества, когда я только учился двигаться. Меня учили этому, но только в моих воспоминаниях я был уже взрослым.

Альберт замолчал, пытаясь вернуться в эти воспоминания и уловить, когда все это могло бы случиться, будь оно на самом деле. Кроме того, именно сейчас он и вовсе засомневался в необходимости посвящать врача в подобные воспоминания и сам факт их присутствия.

Врач мгновенно уловил колебания Альберта.

– Сейчас нам важны любые воспоминания, поэтому вам стоит рассказать, в том числе, и о тех событиях, которые не имеют временной и логической привязки. Заставляйте свою память работать. Лучшие мы обсудим воспоминания, которые кажутся вам фантастикой, нежели позволим себе упустить что-то важное из реальности.

Альберт молчал, пытаясь понять, к чему может привести прощупывание и воспроизведение воспоминаний, имеющих весьма сомнительную природу.

– Думаю, мне стоит рассказать вам кое-что о подобных воспоминаниях, – продолжил врач. – Уверен, вы в курсе, что жизнь человека не состоит исключительно из тех событий, которые мы наблюдаем, когда бодрствуем. Любой человек живет также во сне. И не имеет значения, помним мы эти сны или нет. Все, что мы переживаем во сне или даже, как вы верно заметили, во время наркоза, четко фиксируется в нашей памяти. Другой вопрос, что фиксируется оно, если условно представить память в виде листа бумаги, не на той стороне листа, где находятся воспоминания из знакомой нам жизни, а на его обратной стороне. Поэтому, к примеру, во сне иногда мы можем узнавать места, в которых в обычной жизни никогда не были. Когда же мы находимся вне сна, эта обратная сторона, как правило, скрыта от нас.

Далее. У вас была травма. Появление доступа к тем воспоминаниям, которые были забыты до этой травмы, вероятно, является ее последствием. Для вас это необычно. Кого-то это может пугать. Сами возникающие в памяти события также могут нести в себе совершенно разный эмоциональный посыл: они могут быть приятными, могут быть нейтральными или даже страшными или еще какими угодно. Да, в силу природы большую часть времени эти воспоминания человеку недоступны. Но значит ли это, что нужно отрицать сам факт их существования только из-за того, что это необычно? И правильно ли ограждать себя от них, когда доступ к ним уже есть? Едва ли.

Заранее могу предупредить пару возможных вопросов. Хорошо ли то, что сейчас вы помните вещи, которые раньше доступны вам не были? Это не хорошо и не плохо, это данность. Однозначно сказать, сколько пробудут с вами эти воспоминания, я не могу: они могут уйти, а могут остаться с вами еще на какое-то время. Хотя такое происходит реже. Ваша текущая задача – сохранить к ним по возможности спокойное отношение.

Кстати. Ситуации, когда человек при таких симптомах начинает путать воспоминания с разных сторон листа, встречаются крайне редко. И в вашем случае этого произойти не должно.

Объяснения доктора несколько успокоили Альберта, и после кратковременного их осмысления он вернулся к рассказу.

– ...Я был недвижим. Однако все понимал и даже испытывал дискомфорт от невозможности двигаться. Рядом был другой человек, он учил меня двигаться. Возможно, мой отец. Но он вел себя не так, как ведут себя родители. И, как я сказал, я был... или ощущал себя уже взрослым. Этот человек подробно объяснял, как мне инициализировать движения. Объяснял не как ребенку. Но при этом был терпелив. Объяснял много раз, и каждый раз находил новый способ донести до меня, как именно заставить мое тело двигаться.

Нет, это был не мой отец. Я, кажется, не знал этого человека в реальном мире. Скорее, это все же были сны, возникшие из-за моей неспособности двигаться здесь, пока я был в полубессознательном состоянии. Доктор, могло ли такое быть, что я приходил в себя здесь, но не помню этого?

– Да, такое возможно: во время пограничных состояний, порождаемых болезнью, могут образовываться воспоминания, являющиеся смещением реальности и сна.

– Больше всего меня беспокоят не те события, о которых я вам рассказываю. Больше всего меня пугает невероятное ощущение реальности, сопутствующее всему этому. Если до того, как вы пришли, я еще мог убеждать себя, что все это мне приснилось, то сейчас, несмотря на абсурдность и невозможность произошедшего, я понимаю, что каким-то фантастическим образом события эти со мной все же происходили. И вместо того, чтобы вспоминать то, что нужно, я вспоминаю то, от чего предпочел бы держаться подальше.

Доктор, мне... мне, кажется, нужна помощь. Похоже, я схожу с ума.

Последняя реплика Альберта была уже не столько криком о помощи, сколько жестом отчаяния. Он не верил в чудо-докторов, способных излечивать болезни, сопровождающиеся спутанностью сознания, посредством пространственных разговоров о воспоминаниях. Зато верил в жесткие седативные препараты, которые грозили ему в самом ближайшем будущем, если сознание не придет в норму.

– Что мне давали здесь?

– Ничего, кроме того, что вы видите вокруг себя.

Возле Альберта не было ни капельницы, ни лекарств. Комната, скорее, была небольшим гостиничным номером, нежели палатой в больнице.

– Шут с ним со всем... – резким усилием воли прекратил Альберт свои жалобные фантазии о печальном будущем в белых стенах и смело нырнул в самую глубь новых воспоминаний.

– Тот человек, который учил меня двигаться, был очень мудр. То ли до того, как он научил меня двигаться, то ли уже после я был на лекциях, которые он проводил для каких-то особенных людей. Для людей, у которых что-то случилось.

И еще он научил меня говорить. Это был некий особый язык, который не был известен мне прежде. Тот человек не учил меня словам, он ввел меня в сферу этого языка, дал мне доступ к нему, так как слова, на этом языке озвученные, самим человеком не произносились. Каждая фраза как будто уже существовала в пространстве бесконечно долгое время в ожидании того, как человек коснется ее своим желанием. И когда эта фраза становилась произнесенной, она не только меняла свое место в пространстве, она оживала в нем, так или иначе меняя его суть. Это был язык, не терпящий голословности. Использование его требовало высокой степени ответственности. И я осознавал эту ответственность.

Он говорил, что человек всецело занят чтением Мантры и потому живет с закрытыми глазами. Говорил, что Мантра – это текст мира, который нас окружает, его доскональное описание. И одновременно Мантра – это тот поток энергии, за счет которого люди воспроизводят свой Мир, договорившись о том, каким они должны его видеть. И жестко зафиксировав эту договоренность в тексте Мантры. Люди транслируют Мантру неосознанно и оттого не только не способны контролировать ее, но нередко и вовсе оказываются поглощены ею настолько, что растрачивают свою жизнь впустую, так и не поняв, к чему им стремиться, либо не найдя сил для этого стремления.

Тот человек учил других осознанному контролю Мантры без ее остановки. Он был над Миром, в котором мы находились, но в то же время, не переставал быть обычным человеком. И я имел возможность общаться с ним.

Хоть по-прежнему не понимаю, где и как это было. И не понимаю, как это вообще могло быть...

Альберт на секунду прервался, но, поняв, что у врача было бы бесполезно спрашивать какие-то пояснения насчет содержания его снов, вернулся к воспоминаниям.

– Я пребывал в другом мире – отличном от нашего. И все, что рассказывал мне тот человек, касалось того мира, где мы находились. Но каким-то невероятным образом переключалось и с нашей реальностью.

Тот мир был собран Коллективной Мантрой – Мантрой, поддерживаемой живущими в том мире людьми. Мир этот – его называли Первичным Миром – был во многом похож на тот, к которому мы привыкли. Там тоже жили люди, у которых были свои дела, желания и убеждения. Улицы и дома в том месте были идентичны обычным домам в нашем мире, на улице я видел людей с детьми, животных: все, как и здесь.

Но в то же время тот мир не был материальным. То есть люди там не имели физического тела, равно как и предметы не были твердыми в привычном нам понимании. Это был Мир визуальных образов, состоящий из света так, как наш мир состоит из материи. Судя по всему, я провел там не день и не два: я пробыл там много времени, поскольку, кажется, знаю тот мир слишком хорошо для беглого знакомства. И я не появился там с этим знанием, так как прямо сейчас помню с десятков ситуаций, когда мне подробно объясняли разные нюансы.

В том Мире к определенному возрасту человека его визуальное тело исчезало: примерно к тридцати с лишним годам. Это было связано с уровнем энергии, который снижался к этому возрасту, снижался в основном из-за постоянного неконтролируемого транслирования Мантры. Со снижением уровня энергии частота Мантры как энергетического потока менялась, и Мантра начинала собирать вокруг человека другой Мир. Не тот, в котором продолжали существовать остальные люди. Визуальное тело при этом исчезало не сразу, а постепенно, растворяясь в пространстве, становясь все прозрачнее; человек не умирал, но, как я уже сказал, перемещался из Первичного Мира в собственный – собранный только его Мантрой. Люди, которые оставались в Первичном Мире, считали такой переход смертью. Существование в том Мире подобного ошибочного мнения в качестве единственно верного с точки зрения обычного человека – существующего в нашем мире – может показаться парадоксальным. Человек, знакомящий меня с тем Миром, объяснял это всеобщее заблуждение усыпляющим действием Мантры: подавляющее большинство людей способны мыслить только в рамках текста Мантры – общепринятого описания Мира. А поскольку, несмотря на подробные объяснения, феномен этот для моего понимания все равно оставался недоступным, он привел мне пример аналогичного заблуждения людей в нашем Мире! Основываясь при этом только на сведениях из моих рассказов!

Альберт снова сделал паузу.

– ...Между нами происходили десятки диалогов. Он научил меня двигаться, говорить. Рассказал, как существует тот мир, в котором я находился. Как он устроен. Это был длительный временной период, хотя я и не понимаю, какой именно.

И это было уже после того, как я познакомился с Семеном! Однозначно, после: с тем человеком мы обсуждали мои с Семеном беседы. И таких бесед было две!

Да, доктор, все постепенно встает на свои места! Вы были правы!

Во-первых, все, что мне привиделось, происходило все же, пока я был в бессознательном состоянии, уже после аварии. Иначе в том таинственном Мире, про который я рассказывал, мы бы не обсуждали человека, с которым я познакомился незадолго до автокатастрофы.

Во-вторых, когда мы с Семеном попали в аварию, это была не вторая наша встреча. Может, третья или еще какая-то, но вторая точно произошла раньше. Я сейчас вспоминаю, что еще при первом знакомстве в кафе мы договорились встретиться там же через неделю. И наша вторая встреча состоялась! Мы вновь говорили про то, что именно от меня требуется в этой жизни. Я высказал ему свои предположения, должен признаться, весьма банальные: дети, работа, творчество. А он рассердился и как-то экстравагантно, не попросившись, вышел. Резковато как-то. Что-то сказал громко, на все кафе, так, что я почувствовал себя идиотом. И вышел. Не помню точно: может даже обозвал меня как-то. В общем, странная была встреча. Да и ладно.

Но вы были правы, доктор! Даже через эти необычные воспоминания, события из которых вроде бы со мной никогда в действительности не происходили, ко мне возвращаются воспоминания из реальной жизни. Одно цепляется за другое. С одной стороны, это кажется странным: события с обеих сторон листа как будто имеют некую зависимость между собой. И даже последовательность. Но с другой стороны, метод работает! Думаю, у вас исключительно интересная сфера деятельности, Вильям. Даже немного завидую...

Впервые за время пребывания в больнице Альберт почувствовал нечто вроде удовлетворения. Последний разговор и его результаты выглядели вполне обнадеживающе. Во-первых, память действительно возвратила ему один из утраченных фрагментов. Пусть пока и не полностью. Дело сдвинулось с мертвой точки, при том, что с момента его пробуждения прошло не более двух дней. Такими темпами с определенными поправками на физическое состояние уже через неделю он будет помнить все, что нужно, и, наверняка, вернется домой.

Во-вторых, врач сразу стал использовать правильный и действенный метод. Без лекарств. Без губительных препаратов. Только воспоминания, только самостоятельная работа Альберта. Врач показал себя с профессиональной стороны, и его навыкам, похоже, можно было доверять.

Наконец, в-третьих, пласт воспоминаний из некоего несуществующего Мира, хотя и продолжал пугать своей реалистичностью, все же нашел свое примерное место во времени, и, кроме того, оказался чрезвычайно полезен в восстановлении событий, происходивших в реальном Мире.

Заприметив в этих странных воспоминаниях как минимум возможный ключ к недостающим фрагментам памяти, Альберт еще более углубился в них, стараясь не упустить ни малейшей детали.

Собранная мозаика

Воспоминания открывались Альберту тем легче, чем чаще он пытался прикоснуться к ним своими мыслями. Казалось, ему достаточно было уловить некий отдельный фрагмент своего разрастающегося сна, как тут же за этим фрагментом появлялись еще целые эпизоды, дополняя историю новыми подробностями. Набор почти несвязных поначалу и не имевших места в реальности воспоминаний постепенно трансформировался в целый кусок его жизни, пусть даже ранее почему-то недоступный, и Альберт приходил к выводу, что игнорировать вопрос природы этих воспоминаний у него уже не получится. Однако пока первостепенной задачей по-прежнему оставалось восстановление полной цепи событий перед аварией.

Альберт вспомнил, что человек из сна, знакомивший его с новым Миром, рассказывал об организации под названием Белый Крест, членом которой являлся. Эта организация преследовала своей целью изменение текста Коллективной Мантры таким образом, чтобы включить в него собственно информацию о самой Мантре и ее роли в мышлении и энергетическом строении человека. Что постепенно должно было привести к открытию сознания человека для тех явлений и информации, которые присутствовали в энергоинформационном пространстве, но не имели описания в тексте Мантры. В том числе для образующей силы, именуемой Высшим Разумом или Богом.

Тот человек рассказывал, что пока, на текущем этапе развития человечества, большинство людей могли воспринимать обращения Бога лишь через Внутренний Зов – некую интуитивную тягу к чему-либо, желание или, наоборот, страх перед чем-либо, возникающие за пределами сознания и первоначально нерасшифрованные, но которые все же при определенных усилиях возможно было истолковать. Тем не менее человек, не утруждающий себя попытками интерпретировать требования Внутреннего Зова, имел все шансы и вовсе перестать его «слышать». Что на практике со временем происходило со многими.

Большинство членов Белого Креста исполняли одну из трех ролей, каждая из которых предусматривала определенную деятельность внутри организации: роль Диктора, Следящего или Корректора. Альберт, казалось, никогда не интересовался количеством людей, входящих в Белый Крест, и тем более количеством представителей определенных ролей, но по некоторым деталям определил для себя, что Дикторов было больше остальных, так как их деятельность была базовой. Дикторы практиковали направленное изменение текста Мантры, транслируя в нее так называемые Встраиваемые Идеи – короткие, но емкие тезисы, которые при появлении в тексте Коллективной Мантры делали ее более широкой и гибкой.

Встраивание таких идей в Мантру производилось Дикторами путем длительного непрерывного поддержания этих идей в своем мышлении. После чего их смысл, а нередко и точная формулировка, появлялись в сознании других людей, находящихся в Мире, выстроенном той же – Коллективной – Мантрой: в Первичном Мире. В энергетическом потоке Мантры такая идея формировала новый энергетический вектор, меняющий эту Мантру и, соответственно, выстроенный ею Мир.

Встраиваемые идеи не являлись продуктом мышления людей, включая членов Белого Креста. Каждый из таких тезисов приходил к людям непосредственно от Высшего Разума, и только такие идеи возможно было встраивать в Мантру. Что исключало любые мыслимые злоупотребления со стороны человека.

Диктором мог стать не любой: это были люди, отличающиеся особым, бережным отношением к окружающему Миру. Люди, осознававшие ответственность за окружающий Мир, способные хранить его и о нем заботиться. И нередко такие качества возникали у людей лишь тогда, когда Первичный Мир оказывался для них уже утраченным.

Период перехода в собственный Мир для человека всегда оказывался незамеченным, так как частота Мантры менялась медленно, и перед человеком продолжала существовать иллюзия пребывания в привычном ему пространстве. До самой смерти человек наблюдал все те же картины, что и раньше, видел, будто, тех же людей, и лишь где-то в глубине весь остаток жизни мог чувствовать невозполнимую утрату, поскольку собственный Мир человека несравнимо более скуден количеством энергии, нежели Первичный. Остаток жизни в собственном Мире человек проводил среди теней, образов, но не среди таких же, как он, людей.

Вместе с тем, люди, утратившие Первичный Мир, становились более восприимчивы к требованиям Внутреннего Зова, и отдельные из них, руководствуясь желанием вновь наполнить свой Мир, начинали эти требования реализовывать. Порой Мир вокруг них преображался. Это происходило редко, но таких людей можно было выследить и искусственно вернуть в Первичный Мир, чтобы дать тем самым возможность использовать приобретенные навыки уже в Первичном Мире, работая на эволюцию всего человечества.

Поиском таких людей и их возвращением из собственных Миров занимались Следящие. Люди, способные стать Следящими, встречались крайне редко, поскольку их энергетическое тело имело уникальную структуру. Такая структура позволяла Следящему накапливать количество энергии, достаточное не только для направленного изменения частоты своей Мантры с целью перехода в собственный Мир другого человека, но и для изменения частоты Мантры человека, возвращаемого в Мир Первичный.

Любой подобный возврат был связан с большим количеством сложностей, так как искусственное изменение частоты Мантры всегда являлось болезненным и нестабильным. Психика возвращаемого человека, независимо от его силы и открытости требованиям Внутреннего Зова, на протяжении еще долгого времени нуждалась в серьезном контроле. Адаптация такого человека в Первичном Мире – в Мире, где, если его и помнили, то считали умершим, где уже ушли в собственные Миры многие, чьи образы присутствовали с ним в его собственном Мире, – требовала длительного времени. Одно только осознание факта возвращения в Первичный Мир и одновременно утраты многих достижений Мира собственного никогда не проходило для человека даром. Такой адаптацией занимались Корректоры – люди, обучавшие возвращенных поддерживать частоту Мантры Первичного Мира.

Всю эту информацию пациент подробно рассказал доктору при следующем их сеансе. Доктор слушал умеренно внимательно, не прерывал Альберта и будто даже пытался не упустить основную нить повествования. Альберт, в свою очередь предполагая, насколько непросто сохранять внимание, когда слышишь подобные истории, по мере возможности пытался поддерживать логику в своем рассказе. Давалось это с трудом, и оттого к моменту, когда воспоминания «с той стороны листа» подошли к концу, Альберт испытал осязаемое облегчение.

– *То, что вы рассказали, довольно интересно,* – сдержанно произнес доктор, дослушав рассказчика до конца, – *после того, как восстановим линию событий из нашей реальности, сможем подробнее обсудить и эти воспоминания.*

Но сейчас вернемся к событиям вашей обычной памяти. Что удалось восстановить?

– *По правде говоря, почти ничего,* – сознался Альберт. – *Память в этот раз оказалась настолько же щедрой в части воспоминаний из снов, насколько скарредной в возвращении событий реальности.*

...я бы даже сказал, вообще ничего.

– *А если все же вернуться к «почти ничего», что именно вы вспомнили?*

– *Вспомнил кое-что про то, как я искал информацию о Семене после нашей первой встречи. И еще что-то раньше...* – неохотно ответил Альберт.

Доктор молчал, пристально глядя на Альберта.

– *...Эта вторая встреча с Семеном. Никак не дается. Как будто барьер какой-то.*

– *Не можете вспомнить?*

– Не то, чтобы не могу. Просто... то, что я вспоминаю, это ерунда какая-то.

Альберт еще помолчал, в очередной раз засомневавшись, стоит ли говорить об этом. Но уже через секунду решил, что альтернатив нет: глупо раскрывать симптомы врачу частично.

– Помните, я сказал, что у нашей с этим человеком второй встречи был неожиданный финал – он рассердился и вышел, что-то ляпнув на всю кофейню? Так, что все обернулись? Так вот. Он не рассердился.

Он сказал, что раз мой мир рушится и плана по остановке этого разрушения у меня нет, то он уходит. Не знаю, куда он там собрался уходить, но он так сказал. Совершенно спокойно. Это он еще только мне сказал. А когда он встал из-за стола – я это сейчас очень отчетливо помню, – он обратился ко всем, кто сидел в зале! Привлек их внимание и громко произнес, что ждать от меня нечего. И что это была провальная попытка мира. И потом сказал им, как бы призывая уйти вместе с ним: пошли отсюда.

Вам это покажется странным, доктор, но люди в зале – Альберт стал отчетливее, но тише проговаривать каждое слово, будто делился какой-то удивительной тайной, – стали подниматься с мест и уходить. Один за одним. Даже официанты. Даже повара. Это выглядело... Это была какая-то мистика. Какой-то гипноз. Я сейчас вспоминаю и не могу понять, это действительно со мной было или... снова какой-то сон. Но если сон, то почему он так плавно вытекает из того, что я считаю реальностью?

– Возможно, это был какой-то сговор? Розыгрыш?

– И я тогда подумал, что это розыгрыш. И пошел домой.

А потом помню какие-то совсем странные отрывки. Пустые улицы. Никого вокруг. Я хожу возле дома и пытаюсь сообразить, куда все подевались. Как в фильмах про постапокалиптический город, в котором остался только один человек. Мне было страшно. Это длилось несколько часов, но для меня тогда пролетело гораздо больше времени.

И вечера того дня я уже не помню. Понимаете? Как в том воспоминании про прогулку в загадочном городе, где я пытался заговорить с людьми, а они не слышали меня. Где я утонул в дороге. Какие-то финальные воспоминания. После них событийная линия заканчивается. С той лишь разницей, что дорога была страшным сном. А воспоминания про то, что я остался один на всем свете, – я это чувствовал практически своим телом – по моим ощущениям, имели место в реальности. Хотя я и пытаюсь объяснить себе, что этого быть не могло, я вынужден констатировать: похоже на то, в моих воспоминаниях начинает теряться грань между событиями реальными и произошедшими во сне.

Альберт замолчал ненадолго, а после продолжил более тревожно:

– Ведь на улице же по-прежнему есть люди, да, доктор? Мир ведь не опустел по-настоящему? Вы здесь, и ассистент ваш иногда появляется.

– Не опустел, все верно.

– Я хочу увидеть своего товарища, который определил меня сюда. Он не звонил? Почему он не приезжает? Никто не приезжает.

– Клиника за городом: у нас разные пациенты, многим нужна тишина. Ваш товарищ звонил главврачу, придет завтра во второй половине дня. Забыл вам сразу сказать, простите. И до того он тоже звонил, ему сообщили, что вы в сознании и чувствуете себя лучше.

Новость о скором визите старого друга немного успокоила Альберта.

– Впрочем, у меня есть и более позитивные соображения, доктор. Воспоминания, как вы их обозначили, «с той стороны листа» я, кажется, переживал, находясь уже здесь. Тот мудрый человек из моего сна, про которого я рассказывал – в своих воспоминаниях я вижу его... как вас. То есть, как будто это вы там были. И звали его так же, как вас.

Доктор с удивлением приподнял брови.

– Этому могут быть два объяснения. Либо, пока я был без сознания, я просыпался, но как-то частично, не приходя в сознание до конца, и видел вас и вашего ассистента, после

чего эти образы перенеслись в мои сны; либо мои воспоминания так нечетки, что память уже после подставила ваши с Элиасом образы. Элиас его зовут, да?

Первый вариант кажется мне более правдоподобным, как считаете?

– Считаю, что оба варианта возможны. Вы говорите, Элиас тоже присутствовал в ваших воспоминаниях?

– Да, присутствовал.

Тот мудрый человек, которого звали, как вас – Вильям, был корректором. Он помогал людям, которых возвращали в Первичный Мир, остаться и вновь найти в нем свое место. Он познакомил меня с другим магом Белого Креста – Элиасом. В своих воспоминаниях я вижу его в точности как вашего ассистента, и там он был не слишком любезен... Точно не помню, но, вероятно, это я настоял на знакомстве. На то были какие-то причины.

Элиас был Следящим. Он мог посещать собственные Миры ушедших людей. Мог разговаривать там с этими людьми, мог наблюдать содержимое их Миров. Элиас был очень проницателен: когда он появлялся в чужом Мире, он уже обладал четким пониманием, что ему нужно от искомого человека, и многое об этом человеке знал. Даже не так. Всю эту информацию он считывал буквально из воздуха, прямо во время разговора с ушедшим с собственный Мир.

Он был проницателен... Я знаю это, так как присутствовал при одном из таких разговоров. А возможно даже, при нескольких. Элиас брал меня с собой в такие путешествия. Один раз мы были в Мире талантливого художника, чьи картины, каждая из них, обладали собственной энергией, собственной жизнью. Не знаю, как объяснить иначе. Своей энергией они сильно отличались от всего остального, что присутствовало в Мире того художника, – от предметов и даже окружающих художника людей, точнее, их образов...

Я вспоминаю разговор Элиаса с Виктором, так звали того художника. Элиас планировал вернуть его в Первичный Мир и постепенно подводил к тому факту, что Виктор уже давно исчез из Первичного Мира. Тот разговор показался мне очень острым. И хотя крайне сложно убедить человека в том, что Мир вокруг него наполнен тенями вместо живых существ и, грубо говоря, не существует нигде, кроме как в его же мыслях, Элиасу удалось поселить в собеседнике вполне осязаемое зерно сомнения... При всей полезности и необходимости звонка художника в Первичный Мир тот разговор и, тем более, его результат были очень жесткими. Я видел Виктора, его растерянность. Подавленность. Мне было очень жаль его. И, кажется, тогда я в какой-то степени узнал в нем самого себя.

Будто я, как и он в своем Мире, внезапно оказался заперт где-то, откуда не мог выбраться. Заперт, видимо, в своем бесконечно долгом сне, который вспоминаю сейчас с удивительной четкостью. Откуда помню едва ли не каждую произнесенную фразу. И чем больше я вспоминаю, тем более реальными кажутся мне эти воспоминания.

Кроме того, я помню еще как минимум один случай, когда Элиас брал меня с собой. Это было место... очень похожее на наш город. Что было необычно, так как Первичный Мир выглядел все же несколько иначе.

Кого мы искали в том месте, не могу вспомнить...

Альберт почувствовал тревогу, причин которой понять еще не мог. Однако продолжил следовать своей памяти, которая, поддаваясь, возвращала все новые подробности.

– ...Но когда мы там появились, мы были на набережной. Эта набережная мне хорошо знакома, много раз бывал там. Рядом с нами оказалась моя машина. Абсолютно целая, без каких-либо повреждений. Мы почти сразу сели в нее и куда-то поехали. Я был за рулем, и как будто, тогда именно я знал, куда мы едем и кого ищем. Я, а не Элиас.

Мы ехали по улицам, определенно мне знакомым. Я по-прежнему чувствовал себя в плену сна, но в пути впервые за долгое время это чувство стало постепенно покидать меня.

Как будто в то время я плавно, хоть и через силу, просыпался – и проснулся, только проснулся не в кровати, а за рулем своего же автомобиля, прямо на ходу. Но при этом все еще находился в тех же событиях с «обратной стороны листа»...

Что странно, в тот момент Элиаса в машине уже не было, он исчез, как я понимаю, одновременно с моим пробуждением. И вдруг в зеркале заднего вида я увидел человека, с которым беседовал в кафе, Семена, – каким-то образом он оказался в той же машине. А уже в следующую секунду с автомобилем что-то случилось. Руль растворился в моей руке – клянусь, просто растворился, – и я внезапно ощутил какой-то удар или просто резкое изменение траектории. Машину закрутило, и все. Мы никуда не доехали.

Какой-то бред! Я сейчас вспоминаю свою аварию, после которой попал сюда. Точь-в-точь.

И, признаться, в том сне я помню ее так хорошо, что... будто только там я ее и помню.

Альберт остановился на секунду, силясь разобраться, почему именно сейчас ему так отчетливо кажется, что мозаика собрана и что за рисунок складывается из странных воспоминаний.

– Я не ощущаю никаких различий между воспоминаниями о той аварии, будто все, что я о ней помню, с самого начала было из того сна. Именно там моя машина не имела никаких повреждений. И именно там совершенно необъяснимым образом в машине появился Семен. Как такое может быть, доктор? – задумчиво спросил Альберт, а уже через секунду его парализовало от страшной догадки...

– Дайте мне телефон. Сейчас! – задыхаясь, проскулил он.

Продолжение «сна»

В восприятии Альберта все мгновенно перевернулось с ног на голову. Если и можно было по-прежнему предполагать, что необычный Мир, о котором он так увлеченно рассказывал доктору на протяжении нескольких дней, явился для него лишь сном, то «сон» этот еще не заканчивался. Именно в нем, и только в нем, имела место авария, после которой Альберт оказался в «больнице», и память его все это время отнюдь не случайно демонстрировала образы «врачей» в череде последних событий. В них участвовали как раз те самые люди, которые и сейчас находились рядом. Сама же авария произошла, когда Альберт с Элиасом находились в иллюзорном пространстве, искусно выстроенном последним из содержимого памяти Альберта.

При этом события, предшествующие попаданию в «сон» и происходившие в той реальности, которую Альберт считал «своей», более привычной, забыты им были лишь в совсем незначительном временном периоде: просто обрывались они именно там, где и терялись в воспоминаниях, – в поисках людей на опустевших улицах после второй встречи с загадочным человеком в кафе.

Сейчас Альберт понял, что его память не случайно так активно возвращала ему происходящее «с той стороны листа», – это и были те самые эпизоды, которые искал Альберт. Эпизоды, предшествующие аварии.

Догадки эти не приходили постепенно, они вспыхнули в сознании все разом, почти физически придавив Альберта так, будто в его голову опустилась целая лавина информации. Эта лавина едва удерживалась в сознании, разрушая его и причиняя сильную боль, буквально за пару секунд ставшую невыносимой.

Спустя мгновение Вильям, уловив суть происходящего, резко встал, еще через секунду быстрым шагом вошел Элиас. С его появлением лавина в голове Альберта резко схлынула, оставив после себя пустоту, слабость и полное нежелание допускать в своем сознании ни единой мысли.

Долгий период молчания, в течение которого Альберт пассивно наблюдал в себе восстановление способности мыслить, а Вильям с Элиасом просто находились рядом, прервал Элиас.

– Я искренне сожалею, что наш с тобой ознакомительный визит в твою память оборвался так неожиданно. Но ведь есть и плюсы, правда? Теперь ты в какой-то степени понимаешь людей, которых возвращают в Первичный Мир. И сейчас уже точно имеешь все основания сочувствовать им!

В речи Элиаса, как и раньше, сквозила ирония.

– Что там произошло? В машине... – Альберт не стал уделять время искусным формулировкам и задал вопрос ровно в том виде, в котором обнаружил его в своих мыслях.

Элиас в жесте гротескного удивления вскинул руки.

– Я был уверен, что ты мне расскажешь это!! – произнес он, – *Ты так хотел, чтобы меня не было в твоей машине, что я...* – Элиас изобразил глубокую задумчивость на лице, демонстрируя, как сложно ему подобрать правильные слова, – *... что я, и правда, куда-то делся!*

Элиас виновато взглянул на Вильяма, после чего оба рассмеялись. Станным в такой ситуации образом веселее стало и Альберту.

– В какой-то момент, пока вы ехали, твоя Мантра начала быстро меняться, – продолжил Вильям, – *осознанно или нет, ты пытался восстановить утраченный Мир. Могут предположить, тебя соблазнили декорации, которые собрал вокруг вас Элиас.*

– Точная копия твоих воспоминаний! В динамике! – с гордостью добавил Элиас.

– ...Ну, а дальше подробных объяснений, думаю, не требуется. Поскольку в доступном тебе диапазоне частот Мантры нет той частоты, на которой был собран Мир из твоей

памяти, ты в который раз просто мгновенно растратил энергию. Элиас же исчез из машины, так как не успел за скоротечным перестроением твоей Мантры. Мне бы тоже не пришло в голову ожидать от тебя такой прыти...

– А что случилось потом? Почему мне снова стало казаться, что я, как и раньше, в привычном мне Мире? И что заставило вас играть со мной... в больницу? Так долго.

– Перестроение частоты Мантры требует времени, особенно у человека, который только что неистово пытался переместить себя в недоступное ему пространство. Ты, я вижу, все же еще не до конца пришел в себя. Иначе не спрашивал бы всякую ерунду. При наличии куда более интересных вопросов.

Я предпочел, чтобы на этот раз ты сам подтвердил свою Мантру на частоте этого Мира. Без моего прямого вмешательства. Это непременно должно было произойти – ты провел здесь достаточно много времени. И я следил за этим процессом.

– Что значит, подтвердил свою Мантру?

– Сам правильно расшифровал то место, где находишься. Вспомнил его. Сам дал правильное объяснение этому пространству. Считай это первым шагом к управлению частотой своей Мантры.

Обрати внимание, после вашего с Элиасом визита в твою память ты проснулся здесь с ощущением, что находишься в своем старом Мире. Произошло это из-за того, что подвинуть твою Мантру к частоте этого Мира получилось... не самым деликатным способом. Важна была скорость. Но речь не о том. Ты считал, что попал в больницу после аварии...

– Ведь это ты мне так сказал?

– Разумеется. Сразу после того, как ты не узнал ни меня, ни Элиаса. И так, ты считал, что по-прежнему находишься в своем старом Мире. Однако за достаточно долгий период тебя несколько не смутили детали, которые просто не были бы возможны, окажись ты там, где и предполагал: совершенно другие ощущения, отсутствие необходимости потакать различным нуждам физического тела в связи с неимением оно, другая логика управления движениями. То есть твоя Мантра находилась уже практически на частоте этого Мира. Но интерпретация этого Мира оставалась нарушена. Восстановить ее необходимо было мягко, и сделать это максимально мягко мог только ты сам, постепенно выстроив события в памяти в правильном порядке. Ты справился с этим.

Моя роль заключалась лишь в том, чтобы не давать тебе открытых подсказок и лишь отзеркаливать твои текущие представления. Например, когда речь зашла о больнице, я даже попытался придать этой комнате вид больницы. Той, где у вас лечат физическое тело... Ну, как я мог представить себе это по твоим рассказам.

– Да, Вильям, сначала я долго не мог сообразить, что это за странные предметы вокруг меня. Теперь цель их здесь пребывания начинает вырисовываться...

– Это не моя вина! Видимо, ты плохой рассказчик.

– Но ты говоришь, твоя роль была в том, чтобы не давать мне открытых подсказок. Скрытых я сейчас тоже вспомнить не могу...

– Скрытых я тоже не давал. Не бери в голову эту ерунду. Важна была чистота эксперимента. Кроме того, не думай, что роль эскулапа из твоего мира, которого я, обрати внимание, даже никогда не видел, далась мне элементарно. Помимо того, чтобы следить за состоянием твоей Мантры, мне постоянно приходилось выбирать подходящие слова для своих реплик. Отвечать на твои каверзные вопросы по поводу наркоза, времени пребывания здесь, слушать утомительные, хоть и, не скрою, местами лестные, рассказы про меня же самого и про Элиаса, про Мир, в котором мы провели несравнимо больше времени, чем ты. Про совершенно реальный Мир, который ты так настойчиво всю дорогу именовал не иначе как «сном».

А каково мне было, когда ты стал подозревать, что для больницы все это слишком странно? Или когда начал спрашивать, почему к тебе не приходят посетители? Где бы я взял твоих друзей из Мира, доступ к которому отсутствует даже у тебя самого?

В общем, не стоит думать, что все это представление с больницей задумывалось и поддерживалось ради развлечения. Любые действия по корректировке частоты Мантры должны быть последовательными и по возможности мягкими. Только что ты сам, собственными усилиями, вспомнил, где находишься, – и все равно твоя реакция была довольно болезненной. Несложно представить, какой ущерб был бы нанесен твоей психике, вывали я на тебя всю правду сразу после твоего пробуждения.

Вильям договорил, и в комнате ненадолго повисла тишина.

– С возвращением, больной. Пудивляйся еще немного и приходи в себя.

Реплика Элиаса стала заключительной в этом непродолжительном разговоре, после чего Альберт снова остался один на один со своими воспоминаниями, будучи вынужден рассматривать их уже с принципиально иной позиции.

Все предшествующие события выстроились в один последовательный ряд. Исчез дискомфорт, связанный с незавершенностью воспоминаний. Взамен же Альберт столкнулся с пугающей необходимостью не только воспринимать весь свой «сон» всерьез, но и продолжать действовать внутри него, не имея возможности вернуться в привычную реальность.

В любой другой подобной ситуации Альберту потребовалось бы длительное время, чтобы справиться с шоковым состоянием, которое, по всем мыслимым представлениям, непременно должно было бы сопутствовать столь резкому повороту событий. Но вопреки этим представлениям, Альберт оставался спокоен. Сейчас ему было бы несравненно комфортнее чувствовать себя потерянным, обделенным, попавшим в беду, как это порой случалось раньше. Было бы удобно – и даже кстати – пожалеть себя, сняв груз ответственности за происходящее. Но в ходе последнего разговора с Вильямом и Элиасом в нем поселилось цепкое спокойствие, граничащее с хладнокровием. Это спокойствие не допускало никаких заигрываний с жалостью к себе и имело сложную природу. Оно однозначно было оставлено Вильямом в качестве полезного помощника, но корни его уходили глубоко в период, предшествующий визиту Элиаса и Альберта в память последнего. Альберт уже не был сиюминутным гостем в окружающем его Мире. И время, когда было чему удивляться, похоже, закончилось для него гораздо раньше недавнего пробуждения с частичной утратой памяти.

Позже у Альберта было достаточно времени, чтобы восстановить все детали утраченных ненадолго воспоминаний. Ему не пришлось заново мириться со своим странным положением, так как этот сложный баланс уже был достигнут им ранее.

Вскоре Альберт возобновил посещение лекций, которые проводил Вильям в университете неподалеку от места, где пребывал Альберт до их с Элиасом приключения, и которое было выдано Вильямом за больничные покои уже после этого приключения...

Во время одной из последующих встреч Вильям напомнил своему гостю, что основной его текущей задачей по-прежнему являлось транслирование двух встраиваемых идей, переданных ему ранее. Первая из них – «Мир вокруг меня – есть результат моей личной осознанной интеллектуальной деятельности» – несла в себе осознание прямой ответственности человеком за любые его действия, каждое из которых в определенной степени формировало окружающий мир. Вторая – «В Мире Любовь. В Мире Добро. В Мире Свет» – отражала сосредоточение позитива и гармонии, подготавливая Мантру Первичного Мира для более четкого восприятия человеком Высших Сил.

Помимо того, что транслирование этих идей помогало Альберту ощущать себя причастным к деятельности Белого Креста и, соответственно, быть полезным, фиксация сознания на этих идеях помогала самому Альберту адаптироваться в Первичном Мире и поддерживать Мантру на частоте, близкой к частоте этого Мира. Что, в свою очередь, наряду с проделан-

ной Вильямом работой, позволяло существу Альберта находиться в чужеродном для него пространстве и даже обладать в нем относительной свободой действия.

Возвращение к практике транслирования встраиваемых идей в относительно короткое время помогло Альберту восстановить визуальное тело до того уровня, на котором оно находилось до их с Элиасом последнего приключения. Через некоторое время Альберту даже стало казаться, что его существование в новом пространстве постепенно возвращается в известной мере стабильное русло, как жизнь тут же напомнила об обратном...

Часть вторая. Новый знакомый

Новый знакомый. Альтернативная версия

– Почему я снова не могу вспомнить начало нашего разговора?

– Я подошел, поздоровался. Мы стали разговаривать. Ты рассказал, что к тебе уже однажды подходил незнакомый человек, после чего жизнь резко изменилась. И теперь ты чувствуешь опасность.

Я же ответил, что встреча с незнакомцем в общественном месте – это один из шаблонов в твоей голове. Через который ты ожидаешь изменений в своей жизни. И еще напомнил, что мы давно знакомы. Поэтому в данном конкретном случае опасаться тебе абсолютно нечего.

Памятуя о недавних событиях с частичной утратой памяти, Альберт забеспокоился о возвращении симптомов. Перед ним стоял человек, с которым он уже какое-то время разговаривал до этой самой минуты. Однако начала разговора Альберт не помнил. Человека Альберт тоже вспомнить не мог, но тот как будто, и правда, был чем-то ему знаком. Прямо спросить у собеседника, откуда они знакомы, Альберту показалось невежливым, поэтому после полученного ответа он не стал продолжать расспросы.

Альберт и его собеседник, худощавый мужчина ростом чуть выше среднего, в строгой одежде и начищенных темно-коричневых туфлях с чуть вытянутыми мысами, стояли в длинном коридоре университета, куда Альберт после своего длительного восстановления пришел на очередной семинар Вильяма. Семинар недавно закончился, после чего Альберт какое-то время оставался в аудитории. Неожиданная встреча произошла почти на выходе из здания.

Собеседник Альберта, не дождавшись реакции на свое напоминание о начале разговора, движением руки пригласил спутника возобновить движение по коридору, прерванное, видимо, неожиданным вопросом последнего, и продолжил:

– Итак, вернемся к твоим соображениям. Твой ум пытается указать тебе на ошибки в той информации, которую ты получаешь от своих друзей. Такое случалось и раньше. Ты спорил с Вильямом по поводу метода встраивания идей. Ты улавливал изъяны в его изложении сути Мантры. Чувствовал противоречия в способах работы Следящих. Примеров много. Но сейчас ты наблюдаешь, что сомнения растут. Что же изменилось?

Ответ прост: какое-то время назад у тебя появилось тело. Визуальное тело. Теперь твоя Мантра укрепляется быстрее, становится более мощной. Ты начинаешь ощущать этот Мир, Мир открывается тебе. К тебе возвращается твой интеллект. Вспомни. До попадания сюда ум был твоим главным оружием. Ты был способен перерабатывать массу неоднородной информации и постепенно находил все взаимосвязи и ошибки. Твой интеллект всегда выручал тебя. Используя его возможности, ты играючи справлялся со всеми возникающими в жизни трудностями.

И наоборот, как только ты решил, что существуют вопросы, ответы на которые нужно искать, не привлекая ум, ты мгновенно открыл себя всем возможным несчастьям сразу.

Что ж. Я готов поговорить с тобой об этом.

Альберт по-прежнему не понимал, как оказался рядом с этим человеком, и кем именно тот является. Но некоторые факты Альберт явно поведал собеседнику сам. Кроме того, судя по настрою последнего, Альберт, кажется, начал данный разговор по собственной инициативе.

– Вильям говорил мне, что не следует безоговорочно доверять выводам ума.

– *Неправда. Вильям говорил, что ум не является единственным инструментом интерпретации окружающего тебя Мира. Но он не советовал тебе вовсе отказываться от его использования. Не стоит винить других в собственных заблуждениях. Впрочем, одна ошибка, пусть даже серьезная, не должна становиться приговором.*

– *Подожди, про какую ошибку мы сейчас говорим?*

– *Давай вернемся к самому началу событий. Я постараюсь объяснить кое-что. Могу предположить, что ты для себя уже многое решил, поэтому считай это просто альтернативной точкой зрения на происходящее. Той точкой зрения, которой тебе сейчас очень не хватает.*

– *Ты предлагаешь поговорить о том времени, когда я попал сюда?*

– *Я хочу поговорить о более раннем периоде. Вспомни, в какой момент из-под твоих ног стала уходить почва. Что явилось причиной финальных событий в твоём Мире?*

– *Человек, которого я встретил, Семен, сказал, что разрушение моего Мира связано с тем, что я оказался глух к самому себе. И не смог распознать своего предназначения. Я долгое время беспричинно откладывал вопрос, для чего именно существую. Мне казалось, это был философский вопрос, ответа на который не существовало. И хотя ответ я все же пытался найти, делал это, видимо, слишком долго. И безрезультатно.*

– *Это причина, которую сообщил тебе незнакомый человек. Тот, что в итоге и вовсе подвел черту под существованием твоего Мира. Он сильно сбил тебя с толку, поэтому у тебя, разумеется, не было достаточно времени, чтобы критично оценить такую точку зрения.*

– *К чему ты клонишь?*

– *К тому, что не стоит принимать столь экстравагантные идеи в качестве единственной версии происходящего без предварительного анализа. Это ведь именно твое старое правило.*

И хочу заметить, что даже Вильям предостерегал тебя от доверия каждому слову этого человека.

– *Не думаю, что он имел в виду именно недоверие к высказанной Семеном идее.*

– *Тем не менее.*

Впрочем, вернемся к причине. Ты сказал, что искал ответ на беспокоящий тебя вопрос слишком долго.

– *Пожалуй.*

– *Что ж, жаль огорчать тебя, но, боюсь, ты сам впустил в свой Мир разрушения. И позже сам распахнул двери для визита незнакомца.*

– *Как? Тем, что пытался понять свое предназначение?*

– *Тем, что, пытаясь понять его, сам приостанавливал свою Мантру. Продолжим использовать термины твоих новых друзей. Своему вопросу ты уделял слишком много времени и сил и вплотную подошел к тому, чтобы начать поиск вне своего ума.*

Но, видишь ли, друг мой, Мир вокруг тебя – это и есть содержание твоей Мантры. Чтобы поддерживать свой Мир, человек должен думать о своих делах, проблемах, достижениях. О людях вокруг себя, о своих родных, любимых, о недругах, в конце концов. Должен радоваться, огорчаться, планировать, вспоминать. То есть перечитывать текст Мантры, находиться в нем.

Как только человек прерывает чтение текста Мантры, намеренно или нет, Мир его начинает разрушаться. Это происходит далеко не сразу. Но ты ведь успел перейти границы, правда?

Уже здесь, в этом Мире, твой мудрый друг говорил тебе, что останавливать Мантру нельзя. Иначе Мир рухнет. Но даже сейчас ты не воспринял это всерьез.

Альберту нечего было сказать.

– Человек должен оставаться человеком. Именно таким его сделал Создатель, какие бы силы его ни олицетворяли. И человек должен оставаться внутри своей Мантры.

Как только ты начал упускать свой Мир, с тобой стали происходить неприятные и неожиданные события, да еще в таком количестве и едва ли не одновременно. Тем самым твой Мир пытался вернуться к тебе, вновь овладеть твоим вниманием. И именно тогда ты совершил фатальную ошибку. Ты успокоился, отложил Мир на потом и еще тщательнее углубился в размышления на тему смысла своей жизни.

– Но... Семен говорил, что мне нужно действовать, что в моей жизни длительное время ничего не происходит, а все ждут от меня...

– Семен все время говорил ерунду. И ты знал это на протяжении всего разговора. Но в какой-то момент ты снова выключил свой интеллект. Твоему новому знакомому не надо было, чтобы ты за неделю нашел и сформулировал смысл своей жизни. Он отлично знал, что сделать это было невозможно. Все, что ему было нужно, это ускорить разрушение твоего Мира.

Такие люди, как тот гость, не появляются просто так. Они приходят лишь с одной целью. Сделать контрольный выстрел.

– Откуда же мне знать, что ерунду говорил мне именно Семен, а не ты сейчас?

– О, нет никаких гарантий, что именно высказанная мною точка зрения является истинной. Но твой интеллект, скоро он снова будет с тобой, и ты сам без какого-либо участия ненужных советчиков сможешь определить, что является правдой, а что – заблуждением.

А я... рад был снова встретить тебя, Альберт.

– Мы прощаемся?

– Прости за столь короткую беседу. Мы обязательно продолжим ее, но сейчас мне пора.

Еще у меня к тебе незначительная просьба: не стоит пока говорить с Вильямом о нашем разговоре. Впрочем, уверен, он и сам не захочет обсуждать нашу встречу.

«...Леви. Его, кажется, зовут Леви или Левин», – имя странного собеседника неожиданно возникло в голове Альберта, подтвердив своим появлением, что знакомство с ним состоялось, вероятно, еще до текущей встречи.

Периоды замедления

Совсем недавно Вильям снял с Альберта запрет на разговоры с посторонними людьми, установленный им в связи с нестабильной частотой Мантры гостя сразу, как только тот стал самостоятельно выходить за пределы дома. Альберт планировал пообщаться с кем-либо, кто не был знаком с идеями и деятельностью Белого Креста. Ему хотелось составить более широкое впечатление о том месте, где он пребывал уже довольно долго, а для этого требовалось больше мнений, больше собеседников и больше услышанных точек зрения. Общаясь длительное время почти лишь с одним Вильямом, Альберт понимал, что рисует себе незаконченную картину того Мира, в котором находится. И пусть даже эта картина отличается фантастической глубиной прорисовки, но ей однозначно не хватает деталей, которые могут стать доступны только при расширении круга общения.

Альберт давно хотел поговорить с кем-либо, кого сам выберет при удобном случае: кого-то из присутствующих на семинарах, а лучше и вовсе из прохожих. И все же он не помнил, каким образом начал разговор с этим странным человеком. И откуда мог его помнить.

Короткий разговор не напугал Альберта, несмотря на неожиданный сценарий. Обеспокоил слегка разве что сам факт отсутствия каких-либо эмоций по поводу того, что не было никаких воспоминаний ни о моменте появления этого человека, ни о начале беседы. Что в обычных условиях непременно должно было бы вызвать обоснованную тревогу.

Не уделив должного внимания просьбе незнакомца не посвящать Вильяма в детали их разговора, Альберт сразу же решил озвучить их Вильяму, подав, правда, как собственные соображения. Но уже через короткое время отложил обсуждение, рассудительно решив прежде внимательнее понаблюдать за собственным отношением к услышанному.

Поэтому следующую беседу с лектором Альберт начал с рассказа о других небезынтересных для него открытиях. Припоминая, что время их с Вильямом дискуссий почти всегда ограничено, Альберт, как делал уже неоднократно, заранее подготовился к началу беседы, чтобы не утомлять собеседника бессмысленными вступлениями.

– Вильям, после нашего с Элиасом неудачного приключения я постепенно возвращаюсь к транслированию встраиваемых идей. Много времени провожу за тем, что фиксирую мысли на двух идеях, которые получил от тебя в свое время.

Не знаю точно, как можно оценить результат этих упражнений, но думаю, у меня получается лучше и лучше. Иногда я достигаю такого состояния, словно пространство смотрит на меня. Словно прислушивается ко мне, к той мысли, которую я читаю. Раньше такое уже было со мной, но лишь пару раз, мимолетно, когда я только попал сюда и пытался произнести первые слова. А сейчас у меня получается воспроизводить и даже удерживать это состояние.

Я концентрируюсь на одной из этих идей, и постепенно все вокруг начинает обращать на меня внимание! Не знаю, как объяснить иначе. Не просто какие-то вещи, предметы в комнате, а вообще все вокруг! Будто я рассказываю что-то новое и чрезвычайно интересное. И одновременно я слышу, как потоки информации вокруг затихают, чтобы не прерывать меня, и даже как будто меняются от той мысли, которую я читаю.

Я словно проникаю глубже... в суть окружающего меня пространства, ощущаю себя внутри него и его внутри себя, сливаюсь с ним в эти периоды. И обязательным пропуском в это состояние являются две идеи, которые ты дал мне. Интересы ради я пытался имитировать что-то подобное, концентрируюсь на собственных мыслях. Не просто на какой-нибудь банальной ерунде, нет – я сочинял что-то схожее, связанное, к примеру, с моим представлением Бога, но это все не то. Я не могу воспроизвести данное состояние за счет своих мыслей – пространство явно не желает на них реагировать. И мне его не обмануть. Это потрясающе.

Ты это имел в виду, рассказывая, что человек не сам продуцирует встраиваемые идеи? И не сам решает, какую идею получится встроить в Мантру?

– Отчасти...

За время восстановления гостя Вильям успел отвыкнуть от его пространных расспросов и сейчас на секунду задумался, вспоминая, видимо, о чем уже успел рассказать Альберту ранее, а о чем еще нет.

– Энергоинформационное пространство, – продолжил он, — действительно, едва ли будет так реагировать на твои собственные умозаключения. Но есть и другая причина: идеи, с которыми ты работаешь, одновременно прорабатываются и другими людьми. Прорабатываются довольно давно и тщательно. И потому уже хорошо знакомы пространству.

– Тогда получается, пользы от моих действий не много?

– Пользы от твоих действий достаточно. Встраиваемые идеи требуют долгой поддержки со стороны Дикторов, прежде чем полностью войдут в структуру Мантры. Поэтому твои упражнения – с некоторыми оговорками – можно считать полноценной работой Диктора.

– А что это за оговорки?

– В твоём случае основной целью такой работы является накопление энергии, чему способствует то состояние, о котором ты мне сейчас рассказываешь. Поэтому в данный период ты концентрируешься на тех идеях, которые в первую очередь нужны тебе, а не которым нужен ты. Но, повторюсь, несмотря на это, ты занимаешься делом, весьма полезным не только для тебя лично.

– Вильям, я хотел обсудить с тобой еще одно наблюдение. В разные периоды мне то легче, то сложнее достигать состояния, о котором я рассказал. Точно не помню, но субъективно кажется, раньше таких различий не было. В какие-то периоды я вообще сталкивался с ситуацией, когда даже не мог удержать свое внимание на этих идеях. Ни на одной, ни на другой. Я бы мог предположить, что это от моей неусидчивости, но... думаю, нет. Честно говоря, часто такое бывает. При том, что подхожу я к этой задаче, по-моему, с одинаковым усердием.

– Твои мысли тебя сбивают.

– Так и есть. Но это бывает не всегда.

– Дело здесь не только в твоих усилиях. Ты все правильно почувствовал. Это день и ночь, – последние слова Вильям произнес, делая на них особый акцент.

– В смысле?

– В твоём мире, как я понял, один день от другого отделяла ночь. Как ты успел заметить, ночи в том смысле, к которому ты привык, здесь не существует. Тем не менее твоё понимание или чувство времени, цикличности его периодов, становится сильнее.

Периоды, когда ты можешь без особых усилий слышать пространство и сливаться с ним, называются временем замедления или временем медленной жизни. Такие периоды разделяют дни. Будем считать, примерно так же, как дни в твоём Мире разделяет ночь. Есть определенная аналогия... Расскажу подробнее, раз ты затронул эту тему.

Это время называют временем перемирия человека и его мыслей. В периоды замедления энергетическое тело само, без какого-либо участия человеческого сознания, уменьшает силу подачи Мантры до минимума. Притормаживает, но не останавливает сознание человека. Человек продолжает транслировать Мантру, но с минимальными затратами энергии. Уровень энергии восстанавливается.

В эти периоды мышление человека переходит на более спокойный уровень – уровень созерцания и умеренного расходования энергии. Полагаю, именно в эти периоды тебе проще всего фокусироваться на полученных от меня идеях.

В шутку говорят, что в периоды медленной жизни Бог приостанавливает людей, чтобы отдохнуть от той ерунды, которой они занимаются, и поговорить с ними в тишине.

Здесь, как и в твоём Мире, считается, что время замедления существует лишь для отдыха человека, для восстановления сил. А между тем, это как раз то состояние, к постоянству которого должен стремиться человек. В это время человек не растрчивает всего себя на транслирование Мантры, а транслирует ее спокойно и сдержанно.

– Но почему же ты так удивлялся, когда я рассказывал тебе про сон в моём Мире? По сути, ты мне сейчас рассказываешь о том же явлении.

– Между снами в твоём Мире и периодами медленной жизни здесь есть коренное различие, которое сводит на «нет» все кажущиеся совпадения: сон меняет частоту Мантры. А в периоды замедления частота Мантры остается прежней, меняется лишь сила ее подачи. Когда ты рассказывал про сны, я, разумеется, уловил ряд сходств. Но если ты вспомнишь контекст беседы, поймешь, почему в тот момент эти сходства не имели никакого отношения к сути разговора. Тогда у меня были подозрения, что твоя способность сохранять себя в совершенно неродственном пространстве не случайна. И я не ошибся. Только мне и голову не могло прийти, что можно уметь это неосознанно. По правде говоря, данное открытие и сейчас остается далеким от моего понимания.

Кроме того, я не стал акцентировать внимание на этих сходствах, поскольку в то время все это не имело для тебя никакого значения. Период замедления становится заметен только тогда, когда у человека появляется тело. И человек этот, как ты сейчас, постепенно переходит на использование собственной энергии. Твое визуальное тело становится ярче. И ты начинаешь замечать эти периоды. Разницу ты почувствовал, лишь когда стал много времени уделять работе с идеями. В другую часть дня – период ускорения – тебе гораздо сложнее концентрироваться на идеях. Так как сила подачи Мантры возрастает, твои мысли начинают выходить из-под мнимого контроля. За время существования без визуального тела ты привык к спокойствию своего сознания. Но сейчас Мантра начинает заявлять свои права на тебя. И мысли, которые ты привык считать послушными, очень скоро захотят всего тебя: твоё время, всю твою энергию. Мантра стремится к полному контролю над человеком, ты должен помнить об этом.

Но в то же время не стоит относиться к этому так, будто Мантра – сознательное существо, намеренно пытающееся сделать тебе плохо. Мантра – лишь явление, которое нужно воспринимать, как вызов. С волей, терпением и готовностью.

Вильям замолчал на некоторое время, раздумывая над чем-то, после чего продолжил:

– Не хочу вызвать в тебе излишних опасений, но наводнение головы ненужными мыслями – отнюдь не все, на что способна Мантра в своих попытках подчинить человека. Ты знаешь о ней и сознательно противостояшь тому, чтобы быть ею поглощенным. А всякое действие вызывает противодействие.

...Что еще тебе стоит знать о периодах замедления. В это время снижается свечение: и людей, и предметов. Поэтому все вокруг становится более тусклым. Но полной темноты, как в твоём Мире, не наступает.

– Ты сказал, что энергия человека может пополняться в периоды медленной жизни. Это значит, что при правильном и постоянном контроле уровня энергии человек может существовать вечно?

– Нет. Поскольку само энергетическое тело человека – сосуд жизненной энергии – настроено на определенный период существования. То есть правильная работа с жизненной энергией или, наоборот, ее бесконтрольная и безрассудная растрата имеют большое влияние на продолжительность жизни человека, равно как и на состояние его визуального тела. Но не полное влияние. Ограниченный срок жизни человека предначертан в его энергетической структуре.

– Я все же до сих пор не совсем понимаю: человек транслирует Мантру. И та же Мантра, по сути, определяет время существования самого человека. Неужели нельзя изменить Мантру так, чтобы человек жил вечно?

– Мантра, Мир и человек, как один из элементов Мира и Мантры, – это единая, во многом замкнутая, система. Человек транслирует Мантру, но Мантра не является человеческим творением, открытым для любых умышленных изменений со стороны человека. И в этом ответ на твой вопрос. Ответ, который я уже озвучивал, комментируя вопрос, который ты уже задавал.

Что касается твоей практики с идеями, открою простой, но полезный секрет: те идеи, которые ты диктуешь в Мантру, – а именно это ты делаешь, концентрируясь на них, – делают твоё мышление более послушным и прозрачным, успокаивают его. И если в периоды медленной жизни работать со встраиваемыми идеями тебе проще, то между этими периодами работать с ними полезнее. Сейчас то самое время, когда ты приучаешь себя контролировать затраты жизненной энергии. Это непросто, но это тот базис, без которого в будущем тебе не обойтись.

Энергия

– Вильям, я по-прежнему путаюсь в понимании энергии. Судя по твоим высказываниям, это довольно емкое понятие. И иногда у меня не получается улавливать детали твоих рассказов... В моем Мире энергией тоже называли множество явлений. Правда, общепризнанная наука разделяла понятия материи и энергии.

– Наверное, предсказуемый и правильный вопрос. Мне уже давно стоило найти общий с тобой язык в этой теме. Но вопроса я ждал именно от тебя. Сразу должен спросить: достаточно ли у тебя времени, чтобы обсуждать такую серьезную тему?

Вильям вопросительно посмотрел на Альберта, который, судя по уверенному молчанию, по достоинству оценил юмор собеседника.

– Основное, что тебе нужно запомнить, – все есть энергия. Энергия разной природы, разной плотности, разной скорости изменений и еще множества разных характеристик.

Все энергоинформационное пространство, и этот Мир в частности, состоит из глобального переплетения и смешения различных видов энергии: от тончайших до самых грубых и плотных. Это пространство, его структура, количество измерений и логика построения подлежат лишь примерному пониманию человека. Хотя бы из-за того, что тот Мир, где мы находимся, занимает лишь ничтожную часть этого пространства. Весь этот мир со своим иллюзорным многообразием видов энергии! И даже те элементы, из которых он состоит, далеко не все людям известны.

Несмотря на относительно долгую историю пребывания человечества в этом Мире, человек до сих пор по большей части просто констатирует то, что воспринимается им через Область Знания и имеет отклик в тексте Мантры. А в тексте никакого глубокого понимания энергий этого Мира и вариантов их взаимодействия просто нет.

За пределами же Мантры категоризировать энергию бессмысленно. Там ее можно только воспринимать. И, тем не менее, маги Белого Креста собрали свой набор изъяснений на тему энергии.

Как я уже сказал, энергоинформационное пространство представляет из себя глобальный симбиоз энергий разного вида, и именно так оно воспринимается вне Мантры. Симбиозом в этом контексте можно назвать любую комбинацию различных видов энергии, сосуществующих вместе на протяжении какого-либо периода времени. Определение абстрактное и сформулировано человеком для человека, поскольку время является универсальной шкалой измерения только в диапазоне частот Мантры, доступном человеку и еще ряду существ. А нас это определение интересует только с той точки зрения, что такими симбиозами являются и сам человеческий Мир, и находящиеся в нем предметы и существа. И даже явления.

Симбиозы могут состоять из любого количества энергий любого количества видов. Что заслуживает внимания, в симбиоз могут входить – и, как правило, так и происходит – энергии с разным сроком существования в текущем своем состоянии. То есть симбиоз ни в какой момент времени не является статичным: он меняется, развивается, угасает, увеличивается или уменьшается, либо даже все это и не только – одновременно. Каждое подобное изменение может происходить с позиции восприятия человека бесконечно долгое время или даже не быть им замеченным из-за своей скоротечности.

Примером такого симбиоза является сам человек, состоящий из большого количества различных энергий в разных состояниях: энергетического тела, жизненной энергии, перетекающей в энергию Мантры и визуального тела – все они сосуществуют вместе и постоянно меняются. И это только поверхностный взгляд, так как ни одна из этих энергий сама по себе также не имеет однородной структуры. Ты же не воспринимаешь визуальное тело как некий единый конечный элемент – нет, оно также само по себе является симбиозом.

Аналогичные вещи, если я правильно понял, ты рассказывал про человеческое тело в твоём Мире: симбиоз ряда структур, различных тканей, каждая из которых состоит из еще более мелких элементов, вплоть до тех, которые и вовсе не воспринимаются человеком, – и все это в совокупности только та малая часть человека, которая образована материей. При этом разные части этого организма также имеют различные свойства, сроки жизни и обновления.

Человек – симбиоз энергий, являющийся существом, то есть наделенный индивидуальным самосознанием. Это не менее условная категория, но сейчас я пропущу объяснения на тему, что есть самосознание с точки зрения энергии, является ли оно свойством определенных симбиозов энергий или какого-либо отдельного вида энергии, и правильно ли говорить, что не все симбиозы обладают этим свойством.

Известно, что многие существа Мира, доступного восприятию человеку, также имеют способность самосознания, однако воспринимают они Мир немного иначе или совершенно иначе, кроме того обладают другой скоростью восприятия, отличной от человеческой. Тем не менее диапазоны частот их Мантр пересекаются, что позволяет им существовать в одном Мире с человеком, воспринимать его и быть воспринимаемым им. Самосознанием, хотя и не обязательно схожим с самосознанием существ известного нам Мира, обладают и некоторые симбиозы энергии из других диапазонов частоты Мантры...

Вильям сделал короткую паузу.

Отличный пример такого симбиоза – ты. С моей точки зрения. И я вместе со всеми другими существами этого Мира – с твоей.

Дальше. Частота Мантры определяет восприятие Мира, человеческий диапазон частот – доступные Миры или доступные для восприятия виды энергий из общего количества энергий, присутствующих в энергоинформационном пространстве. Самосознание человека, как свойство энергий, позволяющее существу выделять себя как индивидуальность по отношению к другим элементам пространства, не имеет каких-либо границ восприятия. То есть человек имеет врожденную возможность определять себя не только в Мире, собранном его Мантрой, но и в других Мирах, и даже в пространстве чистой энергии. Но поскольку мышление человека функционирует внутри текста Мантры, самосознание человека в привычном нам понимании имеет серьезные ограничения. Я бы даже сказал, ограничения фатальные.

Восприятие человека ограничено доступным ему диапазоном частот Мантры. Здесь отсекаются те энергии, которые недоступны человеку как симбиозу определенных энергий, занимающих свое место в энергоинформационном пространстве. Осознание воспринимаемых энергий у взрослого человека, в свою очередь, ограничено текстом Мантры. И наконец, отнюдь не весь текст Коллективной Мантры доступен мышлению конкретного индивидуума, из-за чего многие даже полностью воспринимаемые человеком явления находятся за пределами его понимания.

Вильям снова сделал паузу, глядя на Альберта и будто пытаясь определить, насколько тот еще в состоянии удерживать внимание на предмете разговора.

– *То есть, – подытожил Вильям, – Человек понимает не все, что осознает, категоризирует. Осознает не все, что воспринимает. И воспринимает не все, что существует... Ты еще со мной?*

– *Да, – напряженно буркнул Альберт, который как раз размышлял, о каких таких его интеллектуальных способностях говорил Леви, если сейчас он на пределе своих возможностей пытается улавливать хоть что-то из того, что с естественной легкостью рассказывает собеседник.*

– *Вернемся к человеку. Основным носителем симбиоза энергий, составляющих человеческое существо, является энергия, образующая его энергетический стан. Как раз этот тип энергии практически не возобновляется в своей изначальной форме – именно эта энергия несет*

в себе предусмотренные природой ограничения жизненного цикла. Она же образует в человеческом симбиозе энергий способность самосознания, и она же является той частью, которую называют Божественной составляющей человека. Именно она обеспечивает человеку возможность контакта с пространством энергии и с Высшим Разумом, несмотря на непрерывное противодействие Мантры. Присутствием этой энергии в человеческом симбиозе обусловлено утверждение, что связь Высшего Разума и человека неразрывна. Ведь нельзя представить человека без энергетического тела.

– То есть человек живет столько, сколько существует эта энергия?

– Да, только не подумай, что это некий неизменный срок, уготованный тебе судьбой.

Внутри человеческого симбиоза это не единственная энергия, и срок жизни конкретного человека, равно как и ее качество, зависят от состояния и уровня всех энергий симбиоза.

Энергетический стан является местом присутствия другого вида энергии – жизненной энергии человека. Жизненная энергия и ее уровень определяют человека и его возможности не меньше, чем само энергетическое тело. Жизненная энергия – наиболее универсальный и гибкий вид энергии, из которой состоит человеческий симбиоз. За счет нее транслируется Мантра и формируется визуальное тело человека.

Жизненная энергия – это пополняемый вид энергии, ее может быть больше, либо меньше в разные периоды жизни. Однако именно особенности энергетического стана определяют, какое максимальное количество жизненной энергии может быть у человека в один момент времени, и то, какое минимальное ее количество необходимо для поддержания самого энергетического тела – его энергии в данной форме.

К примеру, когда-то я рассказывал тебе, что Следящим не может стать любой человек, поскольку для смещения частоты Мантры другого человека и ее регулирования требуется очень много энергии. Следящим может быть как раз тот человек, энергетическое тело которого от природы имеет способность удерживать большое количество жизненной энергии и относительно быстро восстанавливать ее уровень.

Жизненная энергия – это потенциал человека, сила его возможностей. Чем больше у человека жизненной энергии, тем ярче и динамичнее его восприятие Мира. И тем ярче восприятие этого человека другими существами. Уровень жизненной энергии легко прочесть по яркости визуального тела или же просто по общению с человеком.

Жизненная энергия, как я уже говорил, является ресурсом для формирования энергетического потока Мантры и визуального тела человека. Пока уровень жизненной энергии высок, человек транслирует Мантру на той частоте, на которой из множества индивидуальных Мантр формируется Мантра Коллективная. И которая, собственно, собирает тот Мир, в котором мы сейчас находимся. Как только уровень жизненной энергии падает ниже определенного уровня, частота Мантры меняется настолько, что вокруг человека собирается уже другой Мир. В общем, здесь ничего нового для тебя.

– Вильям, ты сказал, что жизненную энергию можно пополнять. Почему тогда люди здесь так рано теряют энергию до уровня, когда покидают Первичный Мир? Будучи уже не в состоянии транслировать Коллективную Мантру?

Вильям, уже не ожидавший услышать какие-либо комментарии от собеседника, одобрительно кивнул.

– В правильно поставленном вопросе – половина ответа. Уровень жизненной энергии колеблется – она пополняется, и она растрачивается. Беда человечества в том, что текст Мантры в текущем своем виде настроен на постоянную растрату энергии и лишь минимальное поддержание ее уровня. Поэтому с детства человек привыкает больше тратить, чем восполнять. Более того, такая тенденция отражается в самом энергетическом теле человека. Энергетическое тело, в котором ресурс жизненной энергии постоянно поддерживается на невысоком уровне, постепенно подстраивается к размерам этого ресурса. И мгновенно оно

не восстанавливается. Человек, начинающий свою жизнь в этом Мире, к сожалению, проживает куда более короткий период, чем допускают особенности его энергетического тела.

А знаешь, что? – внезапно сказал Вильям, посмотрев на Альберта – по-моему, хватит с тебя на сегодня.

– Наверное, хватит... – задумчиво проговорил Альберт.

А чуть позже, когда Вильям уже был на пороге, вспомнил еще один вопрос, намеченный еще в самом начале разговора:

– Вильям, в начале объяснения ты сказал, что вопроса об энергии ждал от меня. Почему так?

– ...Были у меня подозрения, что, если бы я сам поднял эту тему, не дождавшись твоей инициативы, тебе бы едва ли хватило концентрации понять объяснения. Они одновременно и слишком абстрактны для человеческого понимания, и слишком скудны для формирования представления, хоть сколько-то приближенного к реальному положению вещей. Человеческий язык – не тот инструмент, посредством которого можно описать многообразие видов энергии и их взаимодействия. Это как показывать жизнь человека во всех красках ее событий и ощущений на предметах, найденных на письменном столе. Что-то изобразить, конечно, получится, но зритель так и останется с ощущением, что жизнь состоит из пары карандашей и пустой чернильницы.

Вторая беседа с Леви

Точка зрения, высказанная недавно странным человеком в коридорах университета, не выходила из головы Альберта. Он по-прежнему не мог вспомнить, когда и при каких обстоятельствах общался с этим мужчиной раньше, как завязался их последний разговор, и даже имя Леви, внезапно появившееся в его сознании сразу по окончании разговора неизвестно из какого источника, вызывало определенные сомнения. Человек этот предпочел не затягивать разговор и удалился в проеме длинного коридора, не вызвав в Альберте ни тревоги, ни однозначного желания продолжить разговор. И все же суть изложенной им альтернативной теории утраты Альбертом своего Мира манила хотя бы тем, что каким-то невероятным образом практически не противоречила знаниям, полученным от Вильяма. Более того, человек, вероятно, был и сам знаком с Вильямом, и... откуда ему вообще могли быть известны некоторые детали их с лектором диалогов, на которые он так уместно ссылался во время своей речи? Не мог же Альберт сам поведать все эти нюансы в той части разговора, которую до сих пор не получалось вспомнить.

Вскоре мужчина, которого, как предполагал Альберт, звали Леви, появился вновь. Он возник на улице неожиданно, так, будто шел рядом с Альбертом уже пару минут, и также с середины, без какого-либо приветствия, завел разговор. Как и в прошлый раз, выглядело это само собой разумеющимся, и ни в коей мере не показалось Альберту невежливым.

– А зачем ты вообще стал искать свое предназначение, там, в своем мире? И что именно ты планировал найти в итоге?

Ведь у тебя была хорошая жизнь. Мир был благосклонен к тебе. Ты был успешен, умен, вокруг тебя были не менее интересные люди, друзья, подруги. Работа. Создание семьи было в твоих руках. Что еще ты хотел найти?

Леви говорил неторопливо и выглядел как-то по-особому сиюминутно заинтересованным. Как будто они уже давно бродили рядом, а сейчас он вдруг вспомнил что-то не слишком важное, но достаточное, чтобы с минимальной пользой продолжить разговор.

– Привет, – поддержал разговор Альберт, – Что-то внутри подсказывало, что от меня требуются какие-то действия. Этот поиск не был спланированным: я просто знал, что передо мной стоит какая-то цель. О которой мне ничего не было известно. И я пытался искать.

– А нет ли у тебя предположений, почему человек, у которого давно не возникало никаких проблем с пониманием любых окружающих его событий и явлений, вдруг на протяжении длительного времени не находил возможности сформулировать для себя, что же именно он ищет? Разве это не странно?

Альберту пришлось подумать над ответом.

– Не все вещи подлежат человеческому пониманию. То, что я искал тогда, и то, что продолжаю искать сейчас, похоже, находится за пределами мышления. Это ново для меня, но я уже начинаю привыкать к такому положению дел. И, да, это не странно. Странно другое: долгое время я искренне считал, что мой ум способен решить любые появляющиеся передо мной задачи. Чем, видимо, сам остановил свое развитие.

Собеседник никак не прокомментировал ответ Альберта, в какой-то момент будто и вовсе перестав обращать на него внимание.

Вскоре они подошли к небольшому магазину, возле которого стояли узкие столики с резными ножками, и сели за один из них друг напротив друга. Если до сих пор Альберт не находил в себе серьезной заинтересованности в мнении Леви, то сейчас понял, что ему очень хочется услышать позицию человека, чей ход мысли явно отличался от его собственного.

– Так что же странного в этом видишь ты? – возобновил разговор Альберт.

– Мне известно, что психика человека – сложное и многоуровневое образование, внутри которого могут быть скрыты абсолютно неожиданные мотивы для любых действий человека.

Даже когда человек, как ему кажется, представляет, с какой именно целью он совершает то или иное действие, он может ошибаться в истинных мотивах. И тем более он может ошибаться в них, когда не может сформулировать эти мотивы даже для самого себя.

Ты утверждаешь, что то, что ты искал и даже ищешь до сих пор, находится за пределами возможностей мышления. Это может означать две вещи. Первая: ты пытался разобраться, у тебя не получилось, и ты бросил попытки. Вторая: ты пытался разобраться. И у тебя стало получаться. Но те выводы, к которым ты стал приходить, тебе не понравились или напугали тебя. И ты закрыл для себя эту тему. Пусть даже закрыл не совсем осознанно.

Первый вариант случается чаще. Но это не про тебя.

– Ты сейчас говоришь, что в поисках мною двигало что-то, находящееся за пределами моего сознания. Я говорю то же самое.

– Когда ты говоришь, что ищешь нечто за пределами своего сознания, ты подразумеваешь, что стремишься к чему-то великому, космическому, что ответ на тревожащий тебя вопрос откроет тебе тайный план Создателя в отношении тебя или что-то подобное.

Я же говорю, что ты, возможно, сам закрыл для себя возможный ответ на свой вопрос сразу, как только стал подбираться к нему. В своем мышлении, обрати внимание.

– Сомневаюсь, что я бы стал игнорировать такую важную для меня информацию. Пусть даже она была бы для меня неприятной.

– Если бы она была лишь неприятной, то, скорее всего, да. Но что если мотивы твоего поиска оказались бы настолько прозаическими и банальными, что не только дальнейший поиск, но и вообще существование в целом утратило бы смысл?

– Я так понимаю, ты не просто перебираешь возможные варианты, а знаешь, о чем говоришь. Расскажи мне.

– О, нет. Сейчас я именно лишь перебираю варианты. Откуда же я могу знать, какой ответ ты раскопал в себе? У меня, разумеется, есть предположение. Но ведь если оно совпадет с тем, от чего ты так долго скрывался, это может... огорчить тебя. Чего мне совсем не хотелось бы.

Кроме того, цена, которую ты заплатил, утратив свой Мир, и которую с таким трудом выплачиваешь, может оказаться непомерно высокой за то, о чем ты услышишь. Я не хочу брать на себя такую ответственность.

– Мне кажется, или ты не для того завел этот разговор, чтобы оборвать его посередине?

Собеседник не удивился вопросу, помолчал снова, что-то обдумывая, и продолжил:

– Что ж, как считаешь нужным.

Основной силой, заставляющей человека двигаться вперед, – что в данном Мире, что в твоём – является не что иное, как страх смерти. Вполне известный факт. Но в то же время тема смерти пугает, вызывает серьезный внутренний дискомфорт. Потерю сил. Поэтому обыкновенная реакция психики любого нормального человека – недопущение длительного пребывания информации о смерти в его сознании. Что также является не менее известным фактом.

Но далеко не многие осознают, что может происходить на стыке этих двух явлений.

Страх смерти заставляет людей идти вперед, развиваться, действовать, но одновременно позиция психики не позволяет человеку однозначно объяснять себе свои поступки именно страхом смерти. И здесь возникают промежуточные причины...

– *Что-то я не совсем понимаю. Страх смерти заставляет людей развиваться и действовать? Не слишком ли узкое понимание?*

– *Человек ищет бессмертия. И этим все сказано. Как только человек начинает осознавать присутствие смерти в Мире, он начинает стремиться к тому, чтобы скрыться от нее. Прямо или косвенно. Благосостояние, семья, дети, стремление к власти, известности, поиски Бога – все это не просто общественные штампы. Это расхожие схемы, как продлить себя. Как оставить свой собственный след в мире, присоединиться к вечному.*

– *Все равно пока не понимаю, как это относится к моему случаю. Детей у меня не было, к власти я не стремился. Причем здесь деньги, вообще не ясно.*

– *К твоему случаю эти примеры, действительно, отношения не имеют. Ты быстро достиг многих благ и получил доступ к определенным возможностям, но твой интеллект не позволил бы тебе использовать такие простые способы побега от смерти. Обманывать свой ум тебе в два раза сложнее, чем многим другим. И ты сгенерировал для себя изоциренный и запутанный путь к бессмертию: иллюзию своего исключительного предназначения. Абстрактной цели, которую ты чувствуешь. Цели, установленной тебе, возможно, самим Создателем. И которая не известна даже тебе самому.*

Это был почти беспроигрышный вариант: ведь нельзя оспорить неизвестное. Так ты отключил свой ум. Но беда в том, что неизвестное невозможно и реализовать. А потому появившийся в твоей голове вопрос насчет, собственно, деталей твоего предназначения не мог оставаться без ответа бесконечно долгое время. И постепенно идея поиска этого ответа завладела тобой, забирая все больше и больше времени.

Чем это обернулось в результате, ты знаешь.

Альберту понадобилось время, чтобы прочувствовать услышанное.

– *Ты хочешь сказать, что вопрос, который я слышал в себе, имеет, как бы... не внешнее происхождение?*

– *Этот вопрос – твоя навязчивая идея, появившаяся в результате твоих же попыток обмануть собственный интеллект. Ты нарисовал себе иллюзию, что тебя ожидает нечто великое, грандиозное, вечное. Что-то недоступное и недостижимое для остальных.*

Будь осторожен: у этих мыслей непростая природа... Тицеславие. Гордыня. Претенциозность.

Собеседник, за время разговора придвинувшийся к Альберту почти вплотную, откинулся на стуле и после небольшой паузы продолжил:

– *Впрочем, это лишь мое предположение. И даже если ты найдешь это объяснение близким себе, если твои воспоминания дадут на него какой-то отклик, не нужно винить себя за все это. Как я уже говорил, одна ошибка, пусть даже серьезная, не должна становиться приговором.*

Кроме того, эгоистичные побуждения нередко действительно приводят к великим результатам.

– *Но Вильям и... маги Белого Креста... они же слышат Внутренний Зов, они ведут человечество к возможности прямого общения с Богом. И они тоже пришли к этому, прислушиваясь к себе... Так почему же...*

– *Твои новые друзья занимаются уникальной деятельностью. Но все они, боюсь, лишь обычные несчастные люди, которые безуспешно пытаются скрыться от вечного и непобедимого врага. Все, что они слышат, – это дыхание предстоящей смерти. Их отличие от большинства других людей лишь в том, что они умны, изобретательны и обладают знанием мощных техник, способных менять Мантру. И они уверены в своих действиях. Но ведь тебе известно, куда могут завести человека благие намерения...*

В словах Леви, все время пребывавшего в состоянии полного спокойствия, на мгновение проскользнула злоба. Исчезнувшая, впрочем, так же мгновенно, как и появилась.

– Тебе сильно повезло, что ты имеешь возможность общаться с Вильямом. Знания, которыми он обладает, ты едва ли получишь от кого-то еще.

Но вместе с тем я рад, что именно ты оказался сейчас на этом месте, так как твой интеллект не позволит безусловно доверять каждому его слову.

Альберт на секунду почувствовал легкое головокружение. Посидев еще полминуты, он встал и, коротко попрощавшись с собеседником, пошел по направлению к дому.

Важный вопрос

В этот раз беседа с таинственным человеком заставила обратить на себя внимание. Одновременно с работой над встраиваемыми идеями, а постепенно и вместо нее, Альберт раз за разом возвращался к тому, о чем говорил Леви. Рассуждения последнего раскрывали альтернативную версию причин утраты Альбертом своего Мира – версию гораздо более прозаичную и унылую, версию, не несущую в себе никаких перспектив и как будто даже ставящую под вопрос саму необходимость поиска потерянного Мира. Еще до ознакомления с этой версией Альберт искренне считал свое положение близким к безвыходному, но сейчас начал понимать, что и оттуда было, что убавлять. Он начинал терять надежду. Терять смысл происходящего.

Помимо этого, точка зрения Леви порождала в Альберте сомнения в истинных мотивах работы лектора – его единственного проводника и опоры в окружающем Мире. Человека, недоверие к которому подразумевало под собой полное одиночество не только в едва знакомом пространстве, но и в себе самом.

В Леви не чувствовалось никакой враждебности. Никаких недобрых намерений. Но что хуже всего, версия, озвученная Леви, как будто и была той скрытой правдой, которую Альберт давно потерял глубоко в себе, пытаясь выжить в новой реальности.

Очень скоро Альберт обратил внимание, что теряет силы в размышлениях над новым вариантом правды, и это заставило его снова искать разговора с Вильямом. Последний был занят почти всегда, но непонятным для Альберта образом нередко появлялся сам в нужное время.

– Вильям, меня беспокоит один момент. Недавно я снова размышлял над тем, что упустил в своем Мире: что именно мне нужно было сделать. Очень долго я нахожусь в таком состоянии, что вопрос есть, а ответа нет. Даже не знаю, ближе я к этому ответу или все дальше от него.

Сложно объяснить... Я уже давно в этом Мире, а мой Мир для меня утрачен почти безвозвратно, и, несмотря на присутствие у меня краткосрочных целей в этом мире, я по-прежнему не понимаю, для чего я...

Но речь даже не об этом. Если я не могу найти ответ на этот вопрос, может ли быть, что и нет никакого ответа? Например, потому, что сам вопрос – лишь случайное произведение моей психики. И больше ничего. Может, у меня и не было никакой особой роли. Но я так заикнулся на этой идее, что сам разломал свой Мир?

– Случайное произведение психики? Такое бывает?

– Пусть даже не случайное. Скажем, не имеющее внешнего источника. Допустим так: я неосознанно придумал себе, что Мир или Бог ждут от меня чего-то необычного, так как не нашел иного способа сделать себя вечным? То есть весь этот поиск – просто попытка сделать страх смерти не таким острым.

Настала очередь Вильяма пытаться понять, о чем речь.

– В моем Мире все боятся смерти. И все так или иначе пытаются задержаться в этой жизни. Кто-то сохраняет частицу себя через детей, кто-то через известность, след в истории или что-то подобное. А я каким-то образом нащупал другой способ побега от смерти.

– Побег от смерти... — Вильям задумался на какое-то время, – Формулировка, заслуживающая внимания. Что ты имеешь в виду под этим высказыванием? – и продолжил, не дав Альберту времени на ответ, – Лично мне кажется, что «побегом от смерти» можно назвать какие-то необдуманные, неконтролируемые и трусливые действия, порождаемые паническим страхом смерти.

Так в твоей голове возник тревожащий тебя вопрос?

На пару секунд Альберт задумался. Такое определение «побега от смерти» отклика в нем явно не находило.

– Думаю, нет.

– Это прекрасно. А то я уже стал думать, что имею дело с пугливым мальым, который от страха не способен контролировать ни себя, ни свои намерения... Я же ошибался, да?

– Да...

– Хорошо. Раз ты все-таки способен контролировать себя, обсудим твои предположения серьезно. И использовать при этом мы будем не те формулировки, которые сами по себе пропитаны безысходностью, а те, которые более четко передают суть вещей.

А потому у меня к тебе снова вопрос: прежде чем приписывать себе столь нелестные и сомнительные подвиги, достаточно ли подробно ты разобрался в сущности такого явления как страх смерти?

– Мне кажется, страх смерти – вполне понятное явление.

– Ты сильно заблуждаешься, полагая, что понимаешь страх смерти. Не разделяешь его, а именно понимаешь. Могу предположить, что ты, как и многие другие, боишься смерти слепо, боишься так необдуманно, что гонишь от себя любые мысли, с ней связанные. И ни разу не пытался рассмотреть свой страх внимательнее, распробовать его.

– Вильям, едва ли я что-то потерял от этого. Рассмотрю я этот страх или нет – меня ожидает та же участь, что и всех остальных.

– Прежде всего, в этом случае тебя ожидает другая жизнь. Другой уровень понимания. И надежная защита от заблуждений.

Расскажи мне о том, что именно, на твой взгляд, пугает человека в смерти. А чтобы тебе было проще, в качестве примера возьми... – Вильям сделал вид, что задумался на секунду, – самого себя.

Альберту никогда не хотелось ворошить эту тему. И поэтому заготовленных ответов у него не нашлось. Будто заранее зная, что собеседнику понадобится время, Вильям спокойно откинулся в кресле, не пытаясь делать предположения за Альберта.

– ...Думаю, в смерти, в первую очередь, пугает тайна. Тайна, которая связана с этим явлением – человек же очень мало знает о смерти.

Вильям, изобразив удивленное одобрение, медленно закивал:

– Не лишено смысла! Человеку, действительно, достоверно неизвестны цели или причины того, что его жизнь конечна. Случайная ли это оплошность материки, или так было задумано кем-то или чем-то, не менее загадочным, чем сама смерть.

Но ведь помимо этой загадки в мире существуют миллионы других. Об их существовании знают, некоторые даже пытаются разгадать, но сами по себе они никого не пугают. Любая тайна, разумеется, может быть связана с опасностью. Но пугает в данном случае не тайна, а именно сопутствующая ей опасность. Тайна же, если что-то и вызывает, то точно другую реакцию: любопытство, желание получить разгадку. Разве нет?

– Пожалуй.

Альберту понравилось тонкое опровержение высказанной им версии, кроме того, он уже подготовил еще ряд вариантов, оспорить которые было сложнее:

– Если не тайна, то страдания. Пугают предшествующие и сопутствующие смерти страдания. Или даже страдания после смерти.

– Страдания физические в твоём Мире или психические в обоих наших Мирах, разумеется, могут пугать. Но разве страх страданий и страх смерти – это одно и то же? Разве каждой смерти сопутствуют страдания?

– Но даже если страх перед страданиями – это не страх смерти, он же все равно никуда не девается?

– Верно, только рассматривать страх страданий, предшествующих смерти, нужно, скорее, наряду со страхом всех других страданий. Имеющих место в течение жизни. Но не как часть страха смерти. Страх тех страданий, с которыми ты сталкиваешься в жизни, пугает тебя так же сильно, как и неотвратимость смерти?

– Нет, – признался Альберт.

– Что же касается страданий после смерти – это что-то интересное. Откуда это в твоих мыслях? С чего ты решил, что после смерти человека ожидают страдания, если сама смерть, равно как и состояние после смерти, является неразрешимой для человека загадкой?

– Мы же не можем исключать этого...

– Не исключать что-то и что-то предполагать, испытывая по этому поводу реальный страх – это разные вещи. Ты же не готовишься всерьез к тому, что после смерти тебя ожидает полная свобода в самых невероятных для человека смыслах или же, например, бесконечные наслаждения?

– Да. Не готовлюсь. Возможно, это особенности мировоззрения того общества, где я прожил жизнь. В великой книге, которая написана, согласно истории, частично учениками сына Бога и частично пророками, – я рассказывал о ней – упоминается, что человек за его грехи после смерти отправляется в место, полное боли и страданий. Причем прожить жизнь без грехов... как бы... не получается. Как ни старайся. Хотя и есть способы получить прощение, многие в нашем Мире испытывают серьезную тревогу по поводу своего состояния после смерти.

В общем, что-то важное, как мне кажется, было утрачено в этой книге с течением времени. Либо же само время требует обновления информации в ней. Не готов судить об этом.

– Тогда, может, у тебя есть другие примеры того, что пугающего видит человек в смерти?

– Пугать может утрата каких-то возможностей, которые есть у человека в этом Мире: видеть близких людей, общаться с ними, заниматься какими-то делами, испытывать чувства. Иметь доступ к каким-то вещам, в конце концов.

– Все, что ты перечислил, – это снова факторы, лишь сопутствующие смерти. Все это может происходить и по другим причинам, со смертью не связанным. Было бы неправильным утверждать, что страх смерти является совокупностью сопутствующих страхов.

Видя, что у Альберта закончились варианты, Вильям продолжил:

– Но есть еще кое-что, о чем стоит упомянуть. Осознание неизбежной смерти заставляет человека искать пути реализации самого себя. Уверен, ты слышал об этом. Страх «прожить жизнь зря». Прожить ее, не пытаясь реализовать то, к чему должен стремиться. Или пытаясь выполнить это не в полную силу.

– То есть, это и есть страх смерти?

– Это не страх смерти. Но это уже страх, который неразрывно с ней связан, поскольку невозможен без самого факта смерти. И именно в нем заключается движущая сила такого явления как смерть.

Итак, осознание конечности своего существования наталкивает человека на простую мысль, что ему нужно реализовать себя, особо с этим не затягивая. Но можно ли назвать действия, направленные на реализацию своего жизненного потенциала и порученные человеку, возможно, непосредственно Высшим Разумом, побегом от смерти? Пусть даже напоминание о необходимости этих действий было вызвано осознанием, что жизнь не бесконечна?

Вильям был прав. Формулировка имела значение.

– Если перестроить кое-что в вопросе, который ты задал мне в начале нашей интересной беседы, получится так: мог ли поиск ответа на вопрос о твоём предназначении, который беспокоил тебя ранее и беспокоит ныне, явиться тем самым действием? Или же поиском такого действия, шагом к нему.

На такой вопрос я готов дать тебе ответ. Да. Вполне. И едва ли в этом есть что-то предосудительное. Другой вопрос – не затянул ли ты с этим слишком сильно...

– Пусть так, Вильям, но все же может ли быть, что моя идея о некоем... именно специфическом предназначении – это просто фикция? Ошибочное направление в поисках самого себя?

– Может быть все, друг мой. Но даже если твой поиск собственного предназначения был форсирован осознанием неминуемой смерти, разве это означает, что в действительности такого предназначения не существует? И разве является совпадением, что тебе не было дозволено обмануть себя, найдя свое предназначение в том, в чем находят многие другие люди, и приняв за основу один из общепринятых шаблонов? Могу предположить, что нет. Не означает и совпадением не является. Впрочем, сам ты можешь ответить себе точнее, чем я. Повторю тебе старый совет: слушай Внутренний Зов.

Впервые за время общения с Вильямом восхищение, которое время от времени испытывал Альберт по отношению к нему, переросло едва ли не в страх. Казалось, в мышлении лектора непрерывно сохранялись кристальная чистота и ясность. Более того, Вильям обладал невероятной способностью умирять и мысли другого человека. Через его слова в мышление собеседника проникала какая-то обеззараживающая субстанция, способная за короткое время парализовать любую панику.

На мгновение Альберт засмотрелся на то, как успокаиваются его мысли. Казалось, если Леви нарушил структуру его мировоззрения, то Вильям с легкостью восстановил ее прежнее состояние. Без опаски при этом зайдя в самую глубь чужих мыслей и расставив их по местам так, что продемонстрированная ловкость даже пугала. Позже Альберт задумался, так же легко далось бы Вильяму убедить его в чем-то другом? К примеру, в чем-то противоположном собственным же недавним утверждениям? Возможно, Вильям мог бы каждый день убеждать Альберта то в одном тезисе, то в прямо противоположном, снова и снова, пока тот не сошел бы с ума от собственной интеллектуальной беспомощности. При том, что еще не так давно Альберт искренне считал ум своей сильной стороной.

– Вильям, я восхищен твоей способностью возвращать мои мысли в спокойное состояние!

И все же, раз уж заговорили об этом, я не совсем понял, что делать со всеми этими страхами, про которые мы говорили? Пусть даже ни один из них и не является страхом смерти.

– Ровно то же самое, что и с любыми другими страхами, природа которых доступна твоему сознанию. Работать с ними. Страх – это лишь внутреннее напряжение, порождаемое какой-либо предполагаемой опасностью, напоминание о ней. Если у человека есть возможность устранить или снизить вероятность наступления событий, несущих в себе опасность, или же ради какой-то цели отсрочить их наступление, он может управлять страхом непосредственно через влияние на события.

Однако работа со страхом возможна и в тех случаях, если устранение опасности или ее отсрочка не доступны человеку. И тебе предстоит эта работа, так как страхи являются одной из стен между человеком и Богом. Человек, в котором живут страхи, как правило, не имеет достаточного количества энергии для того, чтобы расслышать обращения к нему со стороны Высшего Разума. Я уже не говорю про реализацию его требований.

Четко зная, что устранение опасности не находится в его власти, человек волен передать ответственность за решение этого вопроса тому, кем был поставлен в такие условия. И далее это вопрос доверия.

– В смысле?

– Если человек воспринимает события и явления, на которые не может повлиять, как невероятное и ничем неконтролируемое стечение обстоятельств, то доверять некому

и нечему. И если человек берет на себя ответственность выстраивать собственное мировоззрение на полном отрицании любых недоступных его сознанию и пониманию сил, то такова его дорога.

Но если человек осознает присутствие сил, направляющих все явления и события определенным образом, пусть даже не доступным для сиюминутного понимания, то и сам факт наступления угрожающего события было бы логично переложить на волю этих сил.

Ну а тему, почему человеку известна не вся логика построения Мира, мы уже обсуждали. Не будем возвращаться.

Задача человека заниматься тем, что находится в его власти и в рамках его возможностей. Поэтому абсолютно правильно концентрироваться на том, в чем, собственно, твое предназначение в этом мире, вместо того, чтобы, бездействуя, переживать, что смерть придет за тобой.

После того, как Вильям закончил говорить, Альберт какое-то время пытался восстановить ход разговора: казалось, он все же упустил кое-что важное.

– Вильям, все страхи, которые мы обсуждали, оказались не связанными со смертью напрямую. По правде говоря, после этого разговора само восприятие смерти приобрело для меня несколько другой окрас. Более легкий. Не такой гнетущий.

Но значит ли это, что самого по себе страха смерти как такового не существует? Только страхи перед сопутствующими смерти угрозами, которые человек, не разобрав, ошибочно связывает со смертью?

Страх смерти

– Оперирруя логикой исключения, действительно, можно временно убедить человека в том, что страх смерти – это фикция.

Но эйфория продлится недолго.

Страх смерти существует. Он живет в Мантре человека. И ей он принадлежит. Я постараюсь объяснить последовательно.

Ты знаешь, что человек воспринимает Мир в соответствии с текстом Мантры, которая, в свою очередь, является надстройкой над пространством чистой энергии, или энергоинформационным пространством, в котором неподготовленный человек существовать не может. В этом пространстве существуют свои законы, в том числе те, согласно которым некоторые виды энергии имеют ограниченный срок существования в определенном своем состоянии. В частности, энергия, формирующая человека. Мы говорили об этом совсем недавно.

Подавляющее большинство таких законов – тех из них, что когда-либо попадали в фокус внимания человека, – имеют свое отражение в тексте Мантры. Многие из них имеют в нем также свое объяснение – логическую связь с основным блоком информации Мантры, и воспринимаются человеком как понятные и изученные. А некоторые существуют в тексте Мантры в виде свидетельств – то есть, не имея такой логической связи с остальной информацией.

Раньше мы обсуждали в качестве примеров свидетельств оставшуюся в истории информацию о прямом общении отдельных людей с Богом. Понять ее большинство людей не могут, так как ни у них, ни у их знакомых подобного опыта не было, что даже является поводом для частых попыток оспорить эти свидетельства. Тем не менее в Мантре эта информация существует.

Так вот, человеческая смерть, явление, происходящее, казалось бы, часто и повсеместно, занимает в тексте Мантры некое промежуточное положение. И, скорее, даже является свидетельством, так как в Мантре ее объяснений нет. Все, что есть, это фактически лишь наблюдения.

Далее. Смерть человека сопровождается прекращением самосознания и, соответственно, прекращением индивидуальной Мантры человека. И не важно, что на Коллективной Мантре отдельная смерть как будто почти никак не сказывается, – поскольку состоит она из огромного числа индивидуальных, в ней также постоянно присутствует угроза прерывания.

Так как Мантра является не просто набором информации, а потоком энергии, на этом уровне ее можно считать не менее живым существом, чем самого человека, ее транслирующего. Считай, что человек и транслируемая им Мантра – это, грубо говоря, тот же симбиоз двух взаимозависимых энергий. Мантра защищает человека от прямого восприятия пространства чистой энергии, а человек тратит на ее непрерывное воспроизведение свою жизненную энергию.

Текст Мантры пребывает в мыслях человека, или, правильнее сказать, он и является мыслями человека. Человек может влиять на Мантру, намеренно концентрируясь на определенных мыслях. Мантра тоже способна подавать человеку сигналы через эмоции. Тревога, а иногда и открытая паника говорят о появившемся несовпадении между элементами в тексте Мантры. В большинстве случаев это решаемые несовпадения, которые могут быть устранены через несложную работу человека с самим собой или с обстоятельствами. Но самый мощный отклик Мантры бывает вызван актуализацией угрозы ее прекращения. Такая угроза запускает страшные реакции в психике человека, порождает сильную негативную эмоцию. Эмоцию, способную в одно мгновение вытеснить все остальные мысли. Спо-

собную парализовать человека или же, наоборот, заставить его действовать молниеносно и жестко. Если угроза близка и неустранима, бесконечный рой губительных мыслей, поддерживающий постоянную отрицательную эмоцию, может сжечь человека изнутри за короткий отрезок времени.

Такова природа страха смерти. Механизм его возникновения схож с любыми другими страхами, за тем исключением, что все другие страхи – не опасения, а именно страхи – формируются на основе пережитого личного опыта.

Человек, однажды испытавший страх смерти, уже никогда не спутает его ни с каким другим. Ни со страхом боли, ни со страхом не успеть чего-либо в этой жизни.

Несмотря на непростое объяснение, Альберт, к собственному удивлению, понял все очень хорошо.

– То есть страх смерти находится лишь в Мантре?

– Сомнительным в твоём вопросе является слово «лишь». С одной стороны, да, лишь в Мантре. И это значит, что гипотетически у человека есть возможность, абстрагируясь от Мантры, избежать возникновения этого страха. Равно как и многих других.

С другой стороны, Мантра и человек – почти единое целое, и полностью абстрагироваться от Мантры по собственному желанию человек не может. Человек без Мантры – это часть Бога, свободная от любых мыслей, от Мира и неспособная к реальному существованию в нашем пространстве.

Маги тратят целые жизни на то, чтобы научиться сквозь Мантру слышать голос Бога, чтобы наработать способность различать текст Мантры и требования Внутреннего Зова, чтобы научиться тратить на Мантру меньше энергии, дабы лишь временно приглушить её звучание, сохраняя при этом способность возобновить её.

– Но это же не значит, что оградить себя от страха смерти невозможно? В моём Мире точно были люди, свободные от него.

– Чтобы освободить себя от страха смерти, человеку нужно возвращаться к осознанию присутствия Высшего Разума, так как именно он является гарантом продолжения существования человека после смерти – пусть даже без индивидуального самосознания. Нужно перестраивать собственную Мантру под его существование. Чтобы подтверждалось существование Высшего Разума как минимум не чужими свидетельствами, а собственными. Или, ещё лучше, чтобы присутствие Высшего Разума вышло из категории свидетельств и нашло свое прочное место в основном информационном блоке Мантры.

И чтобы это произошло, с Высшим Разумом нужно взаимодействовать, иметь с ним двухстороннюю связь, прислушиваться к нему. А для этого у тебя пока есть лишь один действенный способ: приглушая звучание Мантры и доверяясь внутренним ощущениям, слушать Внутренний Зов.

Страх смерти присущ лишь созданиям, отошедшим от своей природы. От своей Божественной природы.

– Как это?

– Страх смерти напрямую связан с ощущением собственной самости и важности. Это последствие неготовности воспринимать себя в качестве неотъемлемой части единого божественного организма, одной глобальной системы. И это элемент недоверия к Богу. Испытывая такой страх, ты поддаешься тексту Мантры, который шепчет тебе, что ты умнее и дальновиднее своего Создателя. И лучше знаешь, как устроено все вокруг тебя, лучше знаешь, как, сколько и зачем тебе жить.

Вильям договорил, и в комнате воцарилось молчание.

Альберт никогда не рассматривал этот вопрос под таким углом. Как, впрочем, и под любым другим.

Интерес

Пребывание Альберта в новом пространстве с самого начала и до сего времени оставалось весьма насыщенным как по количеству событий, так и по объему получаемой им информации. Альберт едва справлялся с пониманием и минимальным анализом происходящего и при этом давно уже вынужден был отказаться от формирования собственного отношения к тем или иным явлениям: на это просто не хватало времени. Анализ сначала возможностей собственного тела, позднее наблюдений за окружающими явлениями, еще позже пережитых вместе с Вильямом или Элиасом приключений, и одновременно со всем этим непрерывный анализ получаемого от Вильяма потока новой информации, – все это занимало огромную часть времени Альберта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.